

TERRA MUTANTICA

РУСЛАН МЕЛЬНИКОВ
ЛЮДИ
ЧЕРНОГО КРЕСТА

Terra Mutantica

Руслан Мельников
Люди Черного Креста

«АСТ»

2012

Мельников Р. В.

Люди Черного Креста / Р. В. Мельников — «АСТ»,
2012 — (Terra Mutantica)

ISBN 978-5-271-45724-1

Сибирский купец Виктор Золотой и его спутники, завербовавшиеся в ландскнехты Святой Инквизиции, продолжают поиски поморской карты. В составе русской роты славянского полка они проходят сквозь кишасший мутантами Французский Котел и примыкают к орденской Армаде, которая готовится к отплытию на Запад. Но ни русам, ни рыцарям-инквизиторам, ни даже самому Черному Кресту еще невдомек, что Запад идет к ним сам. И вскоре начнется война, какой мир после Бойни еще не видел...

ISBN 978-5-271-45724-1

© Мельников Р. В., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	44
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Руслан Мельников

Люди Черного Креста

Пролог

Ветер! Во всем был виноват он. Ветер и течения, во власть которых попали орденские суда.

В стычках с морскими тварями они потеряли четыре корабля. Два оставшихся – командорскую каравеллу и боевой двухмачтовый дромон – занесло сюда.

Брат Хуан, командор Святой Инквизиции, возглавивший очередную разведывательную экспедицию Ордена, поначалу не мог нарадоваться на попутный ветер и бившую в корму невысокую, но постоянную волну. Развевающийся на мачте флаг с черным крестом словно флюгер неизменно указывал на запад.

Ничего не предвещало опасности. Только вода вдруг начала менять цвет. Привычный аквамарин с легкой прозеленью теперь портила желтовато-бурая гамма. За бортами буквально из ниоткуда появлялись клочья липнувших к судну водорослей, темно-бурые оттенки становились более плотными и насыщенными.

У брата Хуана зародилась надежда на скорое появление суши. Однако надежда оказалась напрасной. Наполненные ветром паруса тянули суда все дальше и дальше, а суши на горизонте видно не было.

Несколько раз доносилось радостное «Земля!» впередсмотрящих, но радость быстро сменялась разочарованием. Вместо долгожданного берега мореплаватели видели лишь покачивающуюся на волне пленку бурых водорослей. Их переплетения, гроздьи и комья, поддерживаемые на плаву воздушными мешочками, похожими на крупные ягоды, образовывали уже целые плавучие острова, на которые, увы, нельзя было сойти и к которым невозможно было причалить.

По-прежнему дул не очень сильный, но попутный ветер, и корабли, неуклюже лавируя в лабиринте бурых пятен, срезая то тут, то там куски водорослей, двигались дальше на запад. Невозможно было поверить, что такое обилие растительности возникло в открытом море само по себе, а не оторвалось от береговой линии. Брат Хуан безуспешно искал эту линию и не находил ее.

Водорослей становилось все больше. В губчатом месиве копошилась какая-то жизнь. Что-то булькало, двигалось, шевелилось, но на поверхности пока не показывалось. Чтобы проплыть дальше, приходилось взрезать носом и килем перемишки между островами и тревожить их неизвестных обитателей.

Попутный ветер уже совсем не радовал, а обилие плавучей растительности теперь не удивляло, а скорее пугало. Суша – настоящая суша, а не жалкое, колышущееся на волнах ее подобие, не появлялась. Зато впереди раскинулись бесконечные бурые поля с узкими протоками. Слой водорослей стал толще, а оставшиеся за кормой плавучие острова начали смыкаться.

Идти прежним курсом было опасно, и брат Хуан велел выбирать на чистую воду. Это оказалось непросто. Водоросли опутали руль и налипли на днище. Суда стали неповоротливыми и непослушными, а восточный ветер, загонявший их все дальше в плавучий капкан, из друга превратился во врага.

Убрали паруса, но это не помогло. Выгresti на веслах не представлялось возможным: весла застревали в густой бурой массе, как в болоте. Да что там весла! Даже от пароходного колеса или от подвесных моторов, будь они сейчас у них, было бы мало проку. Вязкая пасть

втягивала и облепляла добычу со всех сторон. На мачтах тревожно и беспомощно трепыхались флаги с Черным Крестом.

Только теперь брат Хуан в полной мере осознал, в какую опасную ловушку они попали. Немногочисленные узкие протоки, по которым плыли каравелла и дромон крестоносцев, исчезли без следа. Словно кто-то там, внизу, сознательно закрывал пути к отступлению и сжимал неосторожную жертву мягкими плавучими пластами-тисками.

Воды больше не было видно. Нигде. Вокруг раскинулось только плотное бурое месиво. Орденские корабли застряли в водорослях как во льдах и стали частью дрейфующей массы. Их засосало раскинувшееся посреди океана болото. И, разумеется, в этом болоте, как и в любом другом, водились разные твари.

Порождения Скверны будто специально дожидались, пока Инквизиторские суда окончательно утратят свободу маневра. Как только это произошло, твари полезли.

* * *

Сначала из-под бурого слоя показался черепаший выводок. Небольшие, но настырные и довольно проворные существа с вытянутыми и заостренными гладкими панцирями, по форме напоминавшими копейные наконечники, легко протискивались сквозь плавучую поросль. Раздвигая и разрывая массивы водорослей сильными лапами-ластами с острыми когтями, черепахи выбирались на поверхность, словно выкапывались из земли, а затем уже по бурому колышущемуся ковру сползались к застрявшим судам.

Твари вытягивали шеи и нюхали воздух. Уродливые головы с выпученными немигающими глазками смотрели на снующих по палубе людей. Открывались и закрывались, будто пережевывая добычу, клювообразные челюсти.

Нападение все-таки нельзя было назвать внезапным, да и мутантов собралось, в общем-то, не так много. Брат Хуан приказал ждать, надеясь, что неповоротливые создания не смогут забраться на корабли. Однако, как вскоре выяснилось, это им было под силу. Подобравшись к увязшим судам вплотную, черепахи полезли наверх, цепляясь за борта острыми как абордажные крючья когтями.

– К бою! – приказал брат Хуан, опуская забрало.

Командор с тоской подумал о том, что боеприпасы к старому оружию закончились в предыдущих стычках, и теперь придется обходиться без него.

Сковырнуть черепах оказалось непросто. Крепкие панцири защищали их от ударов мечей, топоров и копий, а когти удерживали мутантов даже на отвесной поверхности. И все же Инквизиторы приспособились бороться с ползучей напастью. Перегнувшись через борта, они рубили по черепашим лапам и били копьями в отверстия между верхними и нижними панцирными пластинами. К копейщикам и мечникам присоединились арбалетчики и аркебузиры. Выстрелы в упор калечили тварей, раскалывали панцири, сшибали черепах вниз.

Это нападение они все же отбили. Но выстрелы из аркебуз привлекли внимание других мутантов. Из-под бурого ковра появились юркие узкие и длинные тела игловидных рыб и крупных змееподобных угрей в желтых пятнах. Будто побеги хищных растений, они захлестывали копошащихся под кораблями раненых черепах, протискивались под их панцири, вгрызались в плоть...

Черепахи исчезали на глазах. Одни, спасаясь, сами спешили зарыться в бурую массу, других утаскивали под водоросли и воду живые рыбы клубки. Но добычи хватило не всем.

Из слоя водорослей выползали десятки новых рыб-мутантов, а черепах больше не было. Зато были два больших корабля, которые, конечно же, не могли не привлечь внимания морского отродья.

Снова началась атака. Словно стрелы, выпущенные из лука, мутанты пронзали слой водорослей, взлетали в воздух и бились о борта и набортные щиты.

«Тумс-тумс-тумс-тумс-тумс!» – звучали частые удары, будто суда Святой Инквизиции действительно стали мишенью для невидимых подводных стрелков. Выпрыгивающие твари цеплялись за просмоленные доски крючковидными плавниками или брюшными присосками, а те, кому не удавалось зацепиться сразу, повторяли попытки снова и снова. Угри, извиваясь всем телом, старались вползти по отвесным бортам на палубу и дотянуться до людей. Рыбы-иглы деловито вгрызались в дерево длинными, усеянными мелкими зубками рыльцами. Отчетливо слышался хруст дерева. Мокрые опилки сыпались, как из-под сверл.

* * *

Брат Хуан не сомневался в смелости и верности своих людей. Все они – и орденские рыцари, стоявшие во главе экспедиции, и опытные, специально набранные для опасного плаванья матросы и наемники-ландскнехты – прошли Посвящение, а значит будут биться до конца и если потребуется – умрут ради Черного Креста. Вот только сейчас умирать им никак нельзя. Святая Инквизиция отправляла своих разведчиков на запад не для этого.

– Убрать арбалеты! Луки прочь! Аркебузы и мушкетоны по борту! Щитоносцы – прикрывают! Копейщики, мечники – не зевать! И топорами их! Секирами! Не пускать тварей на палубу! Защищать борта, пока не продырявили!

Брат Хуан метался по каравелле, отдавая приказы своей команде и выкрикивая указания экипажу застрявшего неподалеку дромона. Увязшие в водорослях суда превратились в две маленькие крепостцы, которые следовало удержать любой ценой.

Арбалеты и луки плохо подходили для борьбы с новым противником: стрелами трудно перебить длинные тонкие тела, липшие к обшивке. А для бомбардного боя враг был слишком близко. И низко. Зато выпущенная вдоль борта плотная картечь корабельных самопалов – аркебуз и мушкетонов – сносила рыб-мутантов по несколько штук за раз, рвала их в клочья и мешала с водорослями.

Мечи и секиры рубили настырных угрей, норовивших перебраться через борт. Хищные головы с вытянутыми зубастыми пастьми и извивающиеся обрубки тел сыпались вниз как сухие ветки во время бури. По смоленным доскам текла холодная рыба кровь.

Копьями, баграми и абордажными топорами на длинных рукоятях крестоносцы сковыривали и срубали вгрызающихся в борта мутантов. Иногда удавалось сбросить тварь целиком, иногда отсеченное тело падало вниз, а голова оставалась торчать из обшивки, словно обломок стрелы или копья.

Инквизиторам удалось очистить борта. Прыжки на корабли прекратились, однако снизу, под палубой, отчетливо слышался скрежещущий звук: рыбы грызли днище, скрытое под водой. Проклятые мутанты быстро смекнули, какой путь к добыче будет самым безопасным.

– Ты, ты и вы двое – в трюм! – велел брат Хуан. – Живо! Проверьте, что там.

Как оказалось, каравелла уже дала течь. Сунувшихся было внутрь игловидных рыб сразу порубили, прогрызенные ими отверстия худо-бедно законопатили, но новые твари продолжали усердно точить дерево. Много тварей. А ведь если днище превратится в решето, судно уже не спасти.

Оставалось последнее средство.

– Бомбы за борт! – приказал брат Хуан. – Оба борта. С дополнительным грузом.

Чем тяжелее будет сброшенный с корабля снаряд – тем лучше: нужно пробить плотный ковер водорослей.

Команда засуетилась. Послышались доклады бомбометчиков:

– Цепляю!

– Цепляю!

Щелк. Щелк. Карабинами к цепям прицеплены железные шары и гирьки-утяжелители.

– Зажигаю!

– Зажигаю!

Пш-ш-ш. Пш-ш-ш. Полыхнули слепящим белым пламенем фитили в особой алхимической обмазке, которой все равно где гореть – хоть на воздухе, хоть в воде.

– Бросаю!

– Бросаю!

Плюх. Плюх. Подводные бомбы пробили в буром слое водорослей две дыры. Брат Хуан заглянул в одну.

В открывшейся воде – неожиданно чистой и прозрачной – были хорошо видны фитильные огоньки. Казалось, сейчас они горят даже ярче, чем на воздухе. Яркие отблески осветили извивающиеся тела мутантов. «Великий Крест, сколько же их там!», – ужаснулся брат Хуан.

Бурые водоросли сомкнулись над пробитым окном, словно пасть чудовища, заглотившего наживку.

– Отойти от бортов! – велел брат Хуан и тоже отступил к мачте. Осторожность лишней не будет.

Фитили рассчитаны на пять-шесть секунд горения. За это время можно регулировать глубину погружения заряда.

– Ниже! – приказал брат Хуан, наблюдая за метками на опускаемых за борт цепях и мысленно ведя отчет времени. – Еще ниже!

Цепь звенела, время шло.

– Ниже!

Безосколочные пороховые подводные бомбы – хороший способ борьбы с морскими мутантами. Недостаточно мощные, чтобы навредить кораблю, они, тем не менее, способны глушить и отпугивать не очень крупную рыбу и гадов. Жаль только, что таких снарядов осталось немного – всего несколько штук – и лишь на каравелле брата Хуана. Впрочем, сейчас не до экономии.

– Хватит!

Слишком низко опускать бомбы тоже не стоит.

Цепь с левого борта сильно дернулась. Наверное, твари решили попробовать шар с горящим фитилем на вкус. Еще один рывок. Вот почему бомбы крепят на цепь, а не привязывают к веревкам.

Время вышло. Внизу, под водой ухнуло. Раз, другой...

Судно качнулось так сильно, что брат Хуан едва устоял на ногах. С правого борта взбух пузырь из водорослей. И еще один – слева. Сплошной слой буро-желтой массы лопнул, порвался. Пузыри опали и сдулись. В разодранном месиве водорослей брюхом вверх всплывали игловидные рыбы и угри. Разрывы, впрочем, вскоре затянулись, и бурый покров снова закрыл воду. Днище больше никто не грыз.

Сработало...

* * *

Радость брата Хуана и его подчиненных была преждевременной. Мореходы получили лишь краткую передышку: к застрявшим кораблям уже сплывались новые хищники. То ли они спешили на звук подводных взрывов, то ли тварей привлек запах крови.

На этот раз из плотной поросли вынырнули темные треугольные плавники – вроде акульных, только больше, с острыми, как лезвия мечей, скошенными гранями. Плавающие гильотины закружили вокруг судов, легко рассекая бурый ковер. Такими плавничками, наверное,

удобно резать не только водоросли, но и плоть врага или мясо добычи. Впрочем, топить корабли ими можно тоже.

Некоторое время неведомые рыбыны пожирали мертвую и оглушенную живность. А потом...

Брат Хуан увидел, как чудовищный плавник-нож резко изменил направление и устремился к дромону. С кормовой надстройки ударила бомбарда, но, видимо, канониры не успели наклонить орудие под нужным углом: картечь подняла фонтан из водяных брызг и обрывков водорослей позади атакующей твари. Мелькнули арбалетные болты, бухнули аркебузы, дал залп тяжелый многострельный самострел. Не помогло.

Кто-то в отчаянии метнул гарпун.

Бесполезно.

Треугольный нож поднырнул под корабль. Послышался глухой удар, хруст, треск. Судно содрогнулось, завалилось на левый борт...

С накренившейся палубы слетело несколько человек в доспехах и спасжилетах. Крестоносцы запутывались в водорослях, беспомощно трепыхались и тонули – медленно, как в трясине. Или быстро – если людей хватало и утягивали под воду снующие вокруг рыбы-гильотины. Плавающую растительность окрасила человеческая кровь. Кое-где из водорослей неподвижными поплавами торчали вывалившиеся за борт бочки.

Устойчивый дромон не перевернулся. Выровнялся. Однако это уже ничего не значило. То, чего не смогла сделать стая рыб-игл, рыба-гильотина добилась с первого захода. В днище судна и в борту над ватерлинией виднелась пробоина.

К поврежденному судну устремился другой плавник. Нырок, удар.

Кажется, теперь перебило киль...

Дромон медленно, почти величественно погружался в изрезанную плавниками бурую массу. И помочь тонущим – никак.

Еще пара «гильотин» сужала круги возле командорской каравеллы, явно готовясь к атаке. – Бомбы! – рявкнул брат Хуан. – Оба борта!

У него не было уверенности, что это сработает против такого отродья Скверны, но другой возможности бороться с морскими хищниками все равно нет.

Взбухли пузырями два взрыва. Каравелла закачалась на взволновавшейся бурой поверхности.

– Еще! – проорал брат Хуан. – Оба борта! Укоротить фитили!

Так будет быстрее. И жалеть бомб сейчас не стоит.

Рвануло близко к поверхности. На этот раз корабль аж подбросило. Палубу и снасти забрызгало водой и вонючими водорослями. На такелаже повисла чья-то рука. «Какой-то бедолага с дромона», – отстраненно подумал командор. Изжеванная человеческая рука словно вцепилась в канаты.

– Еще!

Еще два взрыва.

– Еще!

Еще...

Тонущий дромон уже погрузился по бортовые ограждения. Теперь казалось, будто две мачты со свернутыми парусами и две надстройки – кормовая и носовая – торчат прямо из бурого месива.

Экипаж корабля был обречен: оплетенная водорослями каравелла никак не могла ему помочь. Но серия подводных взрывов все же отогнала тварей. Одна рыбаина, перевернувшись, даже всплыла посреди растерзанного бурого ковра, подобно огромному бревну. Три разъяренных пасти на белесом брюхе. Четыре нижних плавника – таких же больших и острых, как верхний «гильотиновый» нож. Бугристая шершавая шкура, небольшие, но частые шипы...

Перегнувшись через борт, брат Хуан глянул в бульон из водорослей, воды и крови, пытаясь разглядеть там хоть какое-то движение.

Но смотреть надо было не вниз, а...

– Пти-и-ица-а! – вдруг истошно заорал кто-то. И не понять – то ли радостно, то ли испуганно.

Брат Хуан поднял голову вверх.

«Птица? – промелькнула в голове мысль. – Значит, берег все-таки близко. Птицы не летают далеко от суши».

Но уже в следующее мгновение, когда брат Хуан осознал, что именно падает на них сверху, он пожелал оказаться подальше от берега, на котором гнездится такая...

– Пти-и-ица-а! – снова разнеслось над бескрайними полями бурых водорослей. Теперь уже не было никакого сомнения: кричали не от радости – от ужаса.

Тень огромных крыльев заслонила солнце. Раздался клекот, похожий на бомбардную канонаду.

* * *

Птица? Разве бывают на свете ТАКИЕ птицы? Даже теперь, когда бывает всякое. Даже в этом грешном мире, усеянном Сквернами?

Тело у «птички» было раза в два больше корпуса каравеллы, а размах крыльев – с десяток ее парусов.

Казалось, на мореходов обрушилась часть неба, вдруг обретшая крылья и покрывшаяся бело-голубыми перьями.

Казалось, огромное облако – не легкое и воздушное, а утяжеленное, словно подводные бомбы – не удержалось в общей курчавой мозаике и свалилось на корабли Святой Инквизиции.

Брат Хуан успел заметить лапы толщиной с мачту и выпущенные когти – длинные, острые и изогнутые, словно ветви мутировавшего дерева. Еще он рассмотрел голову – странную, совсем не птичью, торчащую из перьевой гривы, словно из доспешного ворота. Голый, как у грифа, череп, но вместо вытянутого клюва – приплюснутая, покрытая защитными роговыми наростами морда, отдаленно напоминающая человеческую, или, скорее – обезьянью. На этой жутковатой морде, лишенной какого бы то ни было выражения, тремя пятнами выделялись глаза и широкий... рот? Нет – пасть с выступающим наружу рядом нижних зубов.

– Огонь! – заорал брат Хуан. – По птице – пли!

Кто-то успел выстрелить из аркебузы, кто-то выпустил арбалетный болт, но летающая тварь, похоже, даже не заметила этого: пробить ее плотное оперение стрелкам не удалось.

Птица атаковала. Брат Хуан поднял меч, захлебываясь собственными командами и готовясь не к бою даже – к достойной смерти.

Первый удар крылатого монстра пришелся в тонущий дромон. И удар этот оказался еще страшнее, чем те, что наносили плавающие «гильотины». Крепкие мачты, выдержавшие бури и стычки с морскими тварями, переломились как щепки. Птица штормовой волной пронеслась над палубой, уже почти погрузившейся в воду и водоросли.

Выступающие зубы нижней челюсти словно вилы подцепили двух человек и мгновенно располовинили обоих. Когти с треском впились в кормовую надстройку, поволокли судно по вяло колыхнувшемуся болоту на каравеллу брата Хуана. Дромон перекосялся. Оружие люди посыпались за борт, как горох. А затем...

Мощный взмах крыльев, прогнувший бурую поверхность.

И – невероятно! – птица приподняла дромон и выдернула судно из вязкого слоя водорослей. Качнула в воздухе. Разжала когти. Бросила.

Один корабль Святой Инквизиции налетел на другой. Треск, хруст, скрежет, вопли... Оба судна развалились.

Рухнувшая фок-мачта командорской каравеллы едва не размозжила брату Хуану череп. Тяжелая рея ударила по шлему, будто палица великана. К счастью, удар пришелся вскользь. Забрало отлетело, но голова и лицо уцелели. Брат Хуан упал и выронил меч. Командор почувствовал, как под ним ломаются палубные доски, а уже в следующее мгновение он как был – в доспехах и в помятом шлеме со сбитым забралом – рухнул животом на толстое, плотное и мягкое покрывало водорослей. Именно оно не дало брату Хуану сразу уйти под воду.

Ну а потом...

Потом утонуть ему не позволило другое.

Словно стрела, пущенная из тяжелого крепостного самострела, в спину ударил птичий коготь. Пробил панцирь, кольчугу, расцарапал поясницу и лопатку, зацепил будто крюком, поднял, как котенка за шкварник, вздернул...

Нагрудник и кольчуга давили и стесняли движения, но прочный доспех, предназначенный для того, чтобы оберегать тело, теперь не позволял этому самому телу сорваться вниз. Дона Хуана обхватили еще с пяток когтей. Стало трудно дышать. Но, судя по всему, рвать добычу на лету птица не собиралась.

Сверху тугой волной хлестнул ветер от крыльев, с плеч слетел промокший плащ с крестом, осыпались с лат клочья липких вонючих водорослей. Брат Хуан почувствовал мощный рывок. Один взмах – и его подняло выше, чем он смог бы оказаться, забравшись на мачтовый топ. Еще взмах – и брат Хуан взлетел еще выше.

Еще, еще...

Бурая поверхность, покрывающая океан от горизонта до горизонта, стремительно удалялась. В слое водорослей уже нельзя было различить ни тонущих людей, ни обломков кораблей.

Крылья чудовищной птицы с нептичьим черепом равномерно, редко, но сильно и шумно били по воздуху. От ветра закладывало уши. Брат Хуан поднимался все выше, выше...

Вернее, его поднимали.

Не было никакой возможности извернуться и достать летающую тварь. Да что там извернуться: шевелиться и даже просто дышать стиснутый когтями брат Хуан мог сейчас с большим трудом.

Птица влетела во влажную пелену облаков, и море, покрытое водорослями, скрылось за молочным туманом. Как долго продолжался полет – брат Хуан не знал. Потеряв счет времени, он лишь жадно ловил ртом холодный воздух.

Когда же проклятая птица вновь нырнула под облака, брат Хуан едва не утратил способность дышать уже от удивления.

Под ними расстилалась все та же бурая бескрайняя поросль, но на этот раз среди водорослей...

Нет, это был не берег. Это был...

Брат Хуан не поверил собственным глазам.

* * *

Корабль?! Неужели ЭТО может быть кораблем? Командор Святой Инквизиции не то что не видел, он вообразить не мог таких судов.

И все-таки корабль! Огромный, как остров. С немыслимо широкой, несимметричной, сильно скошенной, выступающей за левый борт и нависающей над водой палубой. С многоярусной пирамидообразной надстройкой, смещенной к правому борту. С орудийными башенками, из которых торчали старые стволы, и с целыми батареями бомбард и самострелов, установленных вдоль бортов, на носу и корме.

Плавучая крепость – вот что это такое! Плавучий замок. Плавучий город. С таким судном вряд ли справится даже пернатая тварь, которая держала в когтях брата Хуана.

Огромный корабль уверенно плыл сквозь толстый слой водорослей, оставляя за кормой перемолотую бурю и полосу чистой воды.

На судне не было парусов. Вообще ни одного! Не заметно было и дымков от моторов, которые могли бы сдвинуть с места такую громадину. Тогда что же толкает ее вперед? Кажется, какие-то цепи или толстые канаты связывали носовую часть плавучего острова с островками поменьше, на которые брат Хуан не сразу обратил внимание. Судя по всему, это были спины огромных морских существ. Впрочем, по сравнению с кораблем-крепостью их гигантизм не казался столь уж впечатляющим.

«Да ведь это же упряжка!» – поразился брат Хуан. В корабль были впряжены порождения Скверны. Морские твари! Они-то и тянули за собой громадное судно, пробивая дорогу сквозь бурые водоросли.

Мало того, корабль, поразивший воображение командора, был не единственным. Просто он оказался самым большим и двигался во главе бесконечного каравана. Позади, на некотором удалении от флагмана, по проложенному им пути следовала растянувшаяся до горизонта флотилия из множества маленьких судов. Впрочем, относительно маленьких. Некоторые не уступали по размерам каравелле и дромону брата Хуана, а некоторые превосходили их, однако сейчас, на фоне головного гиганта, все они казались лилипутами. «Лилипуты», кстати, тоже тянули морские твари, правда, в меньшем количестве.

«Откуда взялось столько кораблей? Кто на них плывет? Куда они направляются?» – эти мысли промелькнули где-то на периферии сознания командора и тут же исчезли.

О неизвестной флотилии корабликов-«лилипуты» как-то не думалось. Все внимание брата Хуана вновь сосредоточилось на плавучей громаде, над которой уже закладывал виражи пернатый монстр.

И вот ведь что самое удивительное: птица, державшая в когтях брата Хуана, вне всякого сомнения, летела к кораблю-крепости, а там...

По просторной палубе сновали люди, которых пока трудно было рассмотреть. Но уже сейчас ясно: суетиться их заставляет не страх. Совсем не похоже было, что мореходы опасаются нападения с воздуха. Скорее, наоборот – брату Хуану показалось, будто команда встречает птицу. Так, может, это и есть тот самый берег, с которого взлетел крылатый мутант? Может, люди, сумевшие впрячь в свои корабли морских тварей, имеют власть и над летающими?

Над головой грянул клекот, от которого у брата Хуана чуть не лопнули барабанные перепонки. Описав над плавучим островом еще один широкий круг, птица пошла на посадку.

Глава 1

– Тво-ю-мать. Тво-ю-мать. Тво-ю-мать... – глухо и зло бубнил из соседнего ряда Косто-прав в такт собственным шагам. Вернее, он шагал, задавая себе темп движения нехитрой рит-мичной бранью.

Виктор покосился на лекаря. Непонятно было, чью именно матушку тот так часто поми-нает, но соваться сейчас с расспросами к нему определенно не стоило. Костоправ находился на грани. Чего доброго сорвется бедняга. А тогда бедными и несчастными станут все, кто идет рядом. Тогда одной лишь «тво-ю-матью» дело не обойдется.

Впрочем, все они были на грани. Шутка ли: столько протопать по Котлу!

Ныло плечо под ландскнехтской пикой. Рука устала удерживать в равновесии подня-тый кверху длинный граненый дрын с массивным наконечником. Ноги наливались тяжестью. Брюхо возмущенно урчало от голода. Но в Котле нельзя отвлекаться на подобные мелочи и нельзя расслабляться ни на минуту.

– Тво-ю-мать. Тво-ю-мать...

Во французском Большом Котле все происходило в точности так, как рассказывал капи-тан русской роты Серега Кошкодер. Плотный строй и слаженные действия ландскнехтов помо-гали отражать нападения любых мутантов. Но если наемники Святой Инквизиции давали волю страху или усталости, если сбивались с шага, опускали оружие и ломали ряды, твари проры-вали боевые порядки, устраивали резню и жрали ландскнехтов десятками. Последствия этих атак быстро приучили держать строй на марше даже таких раздолбаев, как Костоправ.

За время, проведенное на котловой территории, рекруты-новобранцы настолько при-выкли двигаться в ногу, что для этого уже не требовались ни барабанный бой, ни окрики командиров. В каждом ландскнехте теперь сидел свой внутренний барабанщик и свой коман-дир. И иногда они подавали голос. Иногда прорывалось... Как вот сейчас у Костоправа.

– Тво-ю-мать. Тво-ю-мать...

«Тво-ю-мать. Тво-ю-мать», – присказка лекаря прицепилась и к Виктору. Теперь он тоже невольно повторял ее про себя, вышагивая в общем ритме.

Рядом шел угрюмый Василь с такой же пикой, как у Виктора и Костоправа, и две арба-летчицы: уставшая, раздражительная и недовольная всем на свете Змейка (ну, точно еще один Костоправ, только в женском обличе) и Костяника, лица которой не было видно под тониро-ванным пластиковым забралом старого шлема. Если поначалу девушка-мутантка, прятавшая глаза якобы от света, и вызывала у сослуживцев интерес, то теперь рота привыкла к ее стран-ностям. Да и других занятий в Котле хватало, кроме как обсуждать девчонку, попавшую под ядовитую слюну мутанта и чуть после этого не ослепшую.

Одно плохо: закрывшись пластиком от внешнего мира, Костяника утратила свою удиви-тельную способность замечать опасных тварей раньше, чем это могли сделать другие. Мертвый металл и мертвый пластик мешали красным глазам девушки видеть живую кровь и сводили преимущества полезной мутации на нет.

Впереди что-то прокричал по-английски польский рыцарь пан Якуб, ехавший на быконе во главе славянского полка.

– Подтянись! – послышался голос Кошкодера, привычно перетолмачившего приказ начальства. – Ать-два! Ать-два!

Команда одноглазого капитана сбила Костоправа с шага, но не с мысли.

– Ать-мать. Ать-мать, – мгновенно перестроился он на новый ритм.

Русская рота зашагала быстрее.

«Ать-мать. Ать-мать», – в голове у Виктора опять крутилась прилипчивая речовка лекаря.

* * *

Ландскнехтская колонна двигалась по узкому пространству между двумя лесными массивами, укрытыми толстым одеялом кронового мха. Раньше здесь проходил скоростной автобан, а после Бойни крестоносцы проложили поверх заброшенных шоссе орденский тракт.

Дорога тянулась в обход крупных городов, оказавшихся в свое время эпицентрами бомбардировок, и огибала непролазные мутировавшие леса. Только по этому маршруту и можно сейчас пройти через Большой французский Котел. Не без потерь, но все же можно.

Двигаться по Инквизиторской дороге было, конечно, легче, чем продираться через лесные заросли. И главное – безопасно. Ну, относительно безопасно...

По обе стороны от тракта стояла стеной изуродованная мутациями растительность. Выкрученные спиралью стволы и ветви, уродливые, похожие на огромные головы желваки-наросты, выступающие из-под лопнувшей коры, какие-то длинные шевелящиеся будто живые (а может и правда – живые) отростки. Толстые – в руку человека – побеги выюнков и цепкие лозы дикого винограда с тяжелыми гроздьями крупных несъедобных ягод, пучки острой ядовитой хвои, трава, норовящая схватить за ноги крюкастыми колючками. Листья размером с лопухи, шипы, как стрелы, яркие вонючие плоды там, где когда-то росли яблоневые и грушевые сады. Ну, и конечно, зеленоватые моховые бороды, свисающие с крон. Куда же без них, родимых, в котловом-то лесу...

На тракте часто встречались следы обитающей в этих краях живности. Причем не всегда можно было определить, что за существа способны оставить ТАКИЕ следы. Порой земля на дороге была вспорота и вспахана настолько глубоко, что под слоем почвы проступал старый потрескавшийся асфальт. А иногда и куски асфальта оказывались вывороченными на поверхность.

Близился вечер, и рекруты, измотанные очередным долгим переходом, мечтали о привале, ужине и нескольких часах сна под усиленной охраной часовых. Позади скрипели обозные телеги, влекаемые уставшими быконями. Державшийся особняком отряд орденских всадников прикрывал в арьергарде пару боевых автоповозок с расчехленными пулеметами. Автоповозки – одна на базе внедорожника, другая – переделанный легкий броневик – тоже двигались на быконской тяге: Инквизиторы берегли топливо.

Закованные в броню, хорошо вооруженные и прекрасно обученные рыцари Святой Инквизиции, да еще со своими автоповозочными пулеметами, могли бы быть отличным подспорьем в бою. Могли бы, но увы... Как показывал опыт предыдущих стычек с котловым зверьем, крестоносцы не горели желанием помогать ландскнехтам. Новобранцы должны были защищаться и отбивать атаки сами, используя навыки, полученные на учениях в вербовочном лагере.

А стычек было много. Гораздо больше, чем хотелось.

А уж потери... Некоторые полки через несколько дней пути уменьшились на треть, некоторые – и вовсе наполовину. Теперь даже недоукомплектованная русская рота на общем фоне не казалась малочисленной. А ведь через Котел им еще пилять и пилять...

– Ать-мать! Ать-мать! – не умолкал Костоправ. Но для того чтобы выпустить пар и снять напряжение, этого было уже недостаточно. Внутренний барабан лекаря бил все яростнее, а внутренний командир свирепел. Голос Костоправа становился все злее. На него косилось все больше народа.

Сослуживцы уже успели узнать, что такое Костоправ в ярости, и многие побаивались его не меньше, чем котловых мутантов.

– Ать-мать!

Виктор с тоской думал о том, удастся ли успокоить Костоправа, когда он снова сорвется. И о том, кто бы успокоил его самого.

Шли дальше. Этот участок пути считался проверенным: головной дозор ничего подозрительного не заметил и сам жертвой мутантов не стал. Но, как оказалось, котловые твари перехитрили людей. Или они только что выбрались к тракту, не заметив разведчиков. А может, небольшая группка дозорных просто не заинтересовала хищников, и те решили дожидаться, пока к ним притопают более сытное угощение.

Что ж, твари своего дождались. Нападение произошло как всегда – внезапно и там, где его не ждали.

– Ать...

Ш-шух-ш-шух-ш-шух-ш-шух-ш-шух! Толстый мшистый покров, укрывающий лес, вдруг порвался... нет – взорвался. Сразу в нескольких местах. В воздух полетели зеленые кло-чья.

– ...мать! – икнул и заткнулся, наконец, Костоправ.

Ш-шух-ш-шух-ш-шух-ш-шух-ш-шух! Снизу в кроновый мох ударили еще раз – сильно, мощно. Фонтаны зелени и сломанные ветки разлетелись в разные стороны.

Из образовавшихся прорех над лесной кромкой у тракта, будто из воды, выныривали разъяренные пасти на толстых, как ствол камень-дерева, то ли шеях, то ли хоботах – длинных, гибких и бугристых. Именно пасти: голов на конце шей-хоботов Виктор не видел. А может, головы неведомого отродья были столь миниатюрными по сравнению со всем остальным, что человеческий глаз просто не мог их различить.

Тел тварей, устроивших засаду, тоже видно не было, и невозможно было судить о том, что они из себя представляют. Впрочем, угрозу сейчас несли не тела, а заканчивающиеся пастьями шеи, которые раскручивались как разжимающиеся пружины, вились над лесом словно бичи, и с обеих сторон дороги тянулись к ландскнехтской колонне. Пасти издавали щелкающие и кашляющие звуки, похожие на жутковатый смех.

«Наверное, так могла бы смеяться смерть», – решил Виктор.

* * *

Славянский полк оказалась в самом центре атаки. Якуб, схватившийся за меч и подавший своего быконя под прикрытие пикинеров, еще не закончил отдавать приказы, и ротные капитаны только-только начали переводить команды полковника, а ландскнехты, давно и безоговорочно поверившие в спасительную силу строя и на уровне инстинктов усвоившие, что следует делать при нападениях мутантов, уже выстраивали из походных колонн небольшие и подвижные боевые терции, щетинящиеся пиками и алебардами.

Не утраченная на марше плотность рядов и выработавшаяся привычка идти в ногу теперь сослужили хорошую службу: когда котловые твари обрушились сверху, из моховых зарослей, их встретили должным образом.

Усталость исчезла. Так бывает всегда: усталость уходит, когда приходит смерть. Перед лицом смертельной опасности открывается второе дыхание. Обязательно открывается. У того, кто не хочет перестать дышать вовсе.

– Огонь! Волкопсовы дети! Пли! – кричал Кошкодер, сверкая своим единственным глазом.

Уже стреляли...

Грохнули самопалы. В воздухе засвистели стрелы. Пару раз пальнули Стрельцы, не пожалевшие ради общего дела своего скудного боезапаса. Щелкнули легкие арбалеты Змейки и Костяники. Стрелец-баба вроде бы даже попала. Еще несколько стрел вонзились в бугристую

плоть, а пули и картечь оставили на извивающихся шеях-хоботах раны, сочащиеся густой темной кровью.

Что-то залетело в раззявленную пасть одной из тварей, другой монстр забился в конвульсиях на краю леса, ломая ветки на деревьях и разрывая кроновый мох. Пара раненых мутантов по-быстренькому втянулись обратно под зеленый покров, но остальные отказываться от охоты не стали.

Сначала шеи-пасти навалились на внешние ряды, где щитоносцы выстроили защитную стену, но...

– Мечники – вперед! – сыпал приказами Кошкодер. – Бить из-за щитов! Остальные – в прикрытие! Три ряда на колено! Пики-лебарды – древком в землю! Наконечники – вперед и вверх! Следующие три – на плечо! Вперед и вверх! Следующие – вверх!

Между и по-над щитами ударили тяжелые двуручные мечи.

Шкура у котлового отродья оказалась не очень прочной: мечники, действовавшие под прикрытием щитоносцев и пикинеров, пробивали ее, оставляя на толстых безголовых шеях глубокие зарубки, вроде тех, что оставляет на стволах топор дровосека. Из зарубок густо лилась кровь, по цвету и консистенции похожая на болотную жижу.

Длинные клинки секли толстые бугристые шеи, кромсали пасти и сносили выпирающие наросты. Полностью перерубить такой хобот, правда, было затруднительно, но все-таки еще с полдесятка покалеченных шей скрылось в лесу, пятная траву, деревья и мох темными потеками.

Оставшиеся монстры выгнулись мостиком через непробиваемую внешнюю стену терции и ударили в глубь строя, пытаясь смять его изнутри. Не тут-то было!

– Вверх! Пики-лебарды вверх! – орал Кошкодер.

Вылезшие из котлового леса твари наткнулись на другой лес – пиково-алебардный.

Сколько не тыкались шеи-хоботы сверху, всякий раз на их пути оказывались остря, лезвия и заостренные крюки, протиснуться между которыми мутантам никак не удавалось.

Наконечники пик наносили чувствительные уколы, а алебарды рубили не хуже двуручных мечей. Щелканье и кашель монстров становились все громче и раздраженнее и уже мало напоминали смех.

Одна из тварей оказалась то ли особенно настырной, то ли голоднее других. Не обращая внимания на боль, она нанизалась на пару пик, сломав при этом еще две или три, и дотянулась до пикинера, бросившего обломок древка, но не успевшего вынуть меч-кошкодер. Тварь надевалась на него как чудовищный колпак и с отвратительным чавкающим звуком втянула в себя.

Брызнувшая кровь залила несколько рядов. На землю упали искореженный стальной шлем, скрученный понож, расколотые обломки пластикового нагрудника и покоцанные ножны с коротким ландскнехтским мечом. Хорошо видно было, как человеческое тело продвигается внутри шеи-хобота быстро уменьшающимся комком – его словно сминали невидимые жернова. А монстр, прорываясь сквозь лезвия и наконечники, уже искал новую жертву.

Упертую тварь накололи сразу на несколько пик, подцепили крюками, подтянули под алебарды. На безголовую шею и перемазанную человеческой кровью пасть обрушились с полдюжины топоров на длинных рукоятях. Совместными усилиями алебардщики все-таки отрубили этому мутанту то, что у него было вместо головы. Еще одного, отчаянно пытавшегося проломиться сквозь лес граненых древков и заточенной стали, Виктор, Василь и Костоправ приняли на «пирамидку» из трех пик.

В какой-то миг монстр завис над головой Виктора. Сверху закапало: слюнки у твари текли, как вода из прохудившегося ведра. Желтые такие, пенистые, отвратные. Только вот добраться до двуногого лакомства мутант никак не мог: пики не позволяли.

Виктор разглядел, что в слюнявой пасти нет зубов. Их заменяли частые и острые как бритвы пластины, закрученной спиралью уходившие куда-то в глубины глотки. «Не дай бог

проглотит!» – ужаснулся Виктор. Попасть в такую мясорубку означало превратиться в фарш еще на пути к желудку монстра.

Виктор оттолкнул безголовую шею пикой. Костоправ, изловчившись, всадил острие своей прямо в пасть твари. Та легко перекусила древко, сыпанув мелкой щепкой, но все же отпрянула к лесу, мотая шеей и надсадно хрипя. Видимо, наконецник встал тварюге поперек глотки.

Рыцари-Инквизиторы по своему обыкновению не вмешивались. Выстроив в арьергарде собственный оборонительный строй, они безучастно наблюдали за стычкой со стороны.

«Вот же суки! – подумал Виктор. – Хоть бы очередь из пулемета дали. Хоть бы стрелу пустили для приличия!»

* * *

Все закончилось так же неожиданно, как и началось. Большая часть израненных мутантов укрылась в прорехах мшистого одеяла, с пяток шей-хоботов вяло шевелилось на забрызганных темной кровью траве и деревьях да валялась на дороге срубленная алебардами «голова»-пасть.

Рота потеряла пятерых.

Прозвучал приказ двигаться дальше. Что ж, правильно: задерживаться здесь не стоило. И уж тем более никому не хотелось лезть в лес и выяснять, что это за милые зверушки напали на ландскнехтскую колонну. До наступления сумерек лучше убраться подальше. А то, какие твари устроили засаду на тракте, пусть остается загадкой. Переживем как-нибудь.

Ландскнехты с опаской обходили лежавший на пути обрубок, напоминавший кусок неровного, плохо оструганного бревна, расколотого на конце. Приоткрытая пасть-раскол сильно воняла, а сочившаяся из нее темная кровь мешалась с желтой пенистой слюной. Бугристая пупырчатая шкура была густо покрыта рубленными и колотыми ранами.

Виктор еще раз осмотрел странное существо, вернее, ту его часть, что валялась сейчас посреди дороги. Нет, головы на отрубленной шее-хоботе точно не было. Головы в привычном, человеческом понимании, во всяком случае. Был только ротовой провал. Возможно, небольшие бугорки возле самой пасти и выполняли какую-то «головную» функцию. Возможно, там даже находились зрительные, обонятельные или слуховые органы, но сейчас все было изрублено в фарш, так что узнать это наверняка не представлялось возможным. А вот полноценному мозгу здесь поместиться точно негде. Его у твари либо не было вообще, либо он находился где-то совсем в другом месте.

Впрочем, пасть, заменяющая целую голову, при определенных обстоятельствах тоже является преимуществом. Побольше урвать, побыстрее заглотить... Может, обладателю такой пасти мозги на фиг не нужны? Может, чтобы жить – не тужить ему достаточно тупых рефлексов.

Виктор вспомнил, как монстр на его глазах сожрал человека: на все про все ушло не больше секунды.

Да и длиннющая, почти как у морского дракона шея-хобот тоже идеально подходит для охоты из засады. А что, очень удобно... Сам прячешься в лесу, а когда кто-то выходит на открытое пространство – выныриваешь из кронового мха и – хват! Добыча уже в пасти. Не надо гоняться и перемещать туда-сюда всю массу тела. Шея достанет, пасть сожрет.

Но все-таки интересно – из чего такая шея может расти?..

Виктор покосился на лес с рваными прорехами в мшистом пологе.

– У-у-у, прожора долбаная! Заглотка хренова! – послышалось бурчание Костоправа. Почему-то он сразу отнес это котловое отродье к женскому роду. – Уж я бы тебя накормил орально, соска длинношея!

Вообще-то насчет последнего замечания у Виктора имелись большие сомнения. Снова вспомнилось, как легко монстр проглотил человека, причем целиком. Опасно все-таки кормить... такого... такую... Так.

– Ни хрена не догоняю! – продолжал Костоправ. – Где у нее башка-то, а, Золотой? Вот это варезка раззявленная, и все, что ли?

Виктор молча пожал плечами. Вопрос, скорее всего, был риторический.

– Ур-р-родина какая, – поморщилась Змейка.

– Не, я понимаю, в такую голову жрать удобно, – продолжал рассуждать Костоправ. – Ну, может быть, вылизываться с такой шеей еще можно. Но думает-то она чем? Жопой?

– В Котле всякое может быть, – глубокомысленно заметил молчавший до сих пор Василь.

– Слышь, сука, ты жопой думаешь, да? – переступая через неподвижный обрубок, Костоправ наподдал по уцелевшему бугристому наросту.

То ли лекарский сапог задел какой-то нервный центр, то ли произошло рефлекторное сокращение мышц, но отрубленная шея-хобот вдруг дернулась, изогнулась калачом. Мертвая пасть клацнула острыми зубами-пластинками. Костоправ шарахнулся в сторону.

Ругался он после этого долго, отчаянно и грязно.

– Держать строй! – строго прикрикнул Кошкодер.

* * *

– Во-о-оздух! – новый сигнал об опасности прозвучал, когда они отошли от места стычки и поднялись на небольшой открытый пригорок.

– Пики-лебарды вверх! Подтянись! Сомкнуть ряды! Стрелки, г-товсь! – снова посыпались приказы Кошкодера. – Не зевать, мать вашу! Сопли не жевать!

Никто не зевал и не жевал. Ландскнехты встали плотнее, подняв вверх оружие.

В небе вились, непредсказуемо меняя траекторию полета, новые представители котловой фауны. Пять... нет – шесть особей. Широкие – шире врановских – кожистые крылья, четыре растопыренные конечности, вытянутое, голое, лишенное оперения тело, отдаленно даже смахивающее на человеческое, сзади – плоский копьевидный хвост.

Больше, собственно, ничего разглядеть не удалось: слишком быстро летали твари.

– Это еще что за страхолюдины такие, епть? – угрюмо спросил Костоправ.

И добавил с чувством:

– Не люблю, мля, когда птички над головой летают.

– Это не птички, – сказал Виктор. – Видишь, без перьев.

– Ну, ошипанные птички, туды ж их в кочерыжку! – упрямо стоял на своем лекарь.

– На летучих мышей похожи, – задумчиво отметил Василь. – Только на больших.

«На очень больших», – мысленно поправил его Виктор.

– Ну, в смысле, крылья у них такие же, – уточнил помор.

– Горгульи это, – внес ясность стоявший неподалеку Кошкодер. – Что-то вроде вранов, только еще м-м-м... красивше. – Капитан поморщился.

– Имел я такую красоту, прикрыв тулупом! – буркнул в сторону Костоправ.

– Очередная местная, мать ее, достопримечательность, – продолжал Кошкодер. – Живут у рек, озер и на морском побережье. Любят воду. Далеко и быстро летают. Кроновые мхи рвут в ключья, так что под ними от этих зверюшек не спрячешься. При этом сами – живучие и злобные твари. Шкура – как камень, фиг пробьешь. И сильные, заразы: всадника с быком в воздух поднять могут. Будем надеяться, нападут не на нашу роту.

Горгульи металась между ландскнехтскими отрядами и лесом, возле которого произошла недавняя стычка, словно разрываясь между двумя целями и выбирая, куда спикировать.

В конце концов, выбор был сделан: крылатые мутанты описали еще один круг над изготовившимся к бою людским строем и направились к лесу.

– Пронесло! – с облегчением выдохнул Кошкодер. – Сегодня горгульи поужинают мясом, которое мы нарубили на тракте.

– Теми шеями с глоталками, что ли? – удивился Виктор.

– Ими самыми. Горгульи часто на них охотятся.

Над лесом разнесся долгий пронзительный крик, от которого душа ломанулась в пятки.

– Бр-р-р, – Змейку аж передернуло.

– Горгульи перекликаются, – кивнул Кошкодер.

Капитан тоже поежился.

С возвышенности, где расположилась русская рота, хорошо было видно, как летающие твари спустились к тракту и примыкающему к нему лесу. Одна из горгулий, которой, видимо, не досталось добычи, обрушилась на моховый полог, яростно терзая его всеми четырьмя конечностями. В считанные мгновения тварь проделала в толстом зеленом слое изрядную дыру. Сложив крылья и обернув ими тело, она скользнула под мох, словно гигантский червь.

В другом месте, наоборот, из-под мха вдруг неожиданно вскинулась, будто выстрелила шея-хобот. Лесная тварь попыталась поймать и заглотить низко летящую горгулью. Но вместо этого попала сама. Горгулья, неожиданно кувыркнувшись в воздухе, ловко перехватила когтистыми лапами гибкий хобот чуть ниже опасной пасти и тут же в него вгрызлась.

Шея попыталась снова укрыться в лесу, да куда там: сильные крылья горгульи яростно лупили по воздуху и тянули добычу вверх. Впечатление было такое, будто горгулья бьется на живой привязи. На самом деле это билась «привязь», ломая ветки и разрывая мох.

А вот и вторая горгулья – та, что скрылась под толстым зеленым одеялом – вновь взмыла над лесом, вытягивая захваченную добычу – обессиленную и истерзанную.

Вырвать своих жертв из леса горгульи не могли, поэтому пожирали их прямо так, опускаясь от пасти все ниже и ниже и оставляя после себя лишь окровавленный позвоночник с перемолотыми костистыми отростками коротких ребер и переплетениями толстых жил.

Виктору показалось, будто обгрызенные позвоночники еще шевелятся.

Долго наблюдать за охотой крылатых монстров ландскнехтам не позволили. Прогудел сигнальный рог, ударили барабаны. Колонна двинулась дальше, предоставив котловым тварям возможность разбираться друг с другом без свидетелей.

Глава 2

Походный шатер Верховного Магистра Святой Инквизиции Его Преподобия Йохана Остландского стоял на побережье Бискайского залива. Именно сюда со всего Пиренейского полуострова стягивались корабли Армады. Когда-то это были испанские земли и воды, теперь же...

Теперь все по-другому. Отсюда начинается территория Ордена. Территория гармонии, порядка, спокойствия и правильной... истинно правильной жизни. Кое-где, правда, тлеют еще очаги Скверны, которые предстоит зачистить, облагородить и присоединить к Инквизиторским владениям. А дальше за орденскими границами лежат земли язычников, варваров и иноверцев, не признающих Черного Креста. Но это тоже временно. Рано или поздно Святая Инквизиция доберется и до них.

Сильный ветер с Атлантики бился в широкий полог, словно тварь-мутант, вознамерившаяся свалить шатер и попать развевающееся над ним знамя Креста. Но, разумеется, такое не под силу презренным порождениям Скверны. Черный Крест сильнее всех Скверн вместе взятых.

И все же... Проклятые, проклятые Скверны!

Йохан Остландский – крепкий коротко стриженный человек с тщательно выбритым и ухоженным лицом – на миг прикрыл глаза, всегда горевшие стальным отблеском веры. Тонкие губы сжались. По высокому открытому лбу пролегли глубокие, будто продавленные лезвием тупого ножа морщины. Размышления о Сквернах всегда портили Магистру настроение. Но сейчас имелся противовес этим дурным мыслям. Хорошие новости.

Йохан открыл глаза.

В шатре он был не один. Перед рабочим столом Магистра стоял навытяжку ландкомтур брат Себастьян, возглавлявший посольство в землях викингов. Посол выглядел уставшим, вымотанным и исхудавшим. Что ж, неудивительно. Добравшись с викингами до Германии, но не застав там главу Ордена, он с небольшим отрядом пересек французскую Скверну и отыскал на испанском побережье новую ставку Магистра.

Свою миссию брат Себастьян выполнил на «отлично». Как, впрочем, и всегда: ландкомтур был верным слугой Черного Креста и Верховного Магистра. Первые драккары жадных до добычи северных варваров начали присоединяться к флотилии Инквизиции задолго до того, как брат Себастьян попросил аудиенции.

Однако посол сумел не только заключить союз с северянами. Он привез кое-что еще. Кое-что очень важное. Йохан провел рукой по старой, тщательно закатанной в пластик и потому неплохо сохранившейся карте, разложенной на столе.

Россия. Страна, которая, как и прочие государства старого мира, перестала существовать после Бойни. Теперь от этой некогда большой и великой страны остались лишь гиблые Скверны да дикие варварские земли, на которых не чтут Черного Креста.

А еще...

Да, осталось и кое-что еще.

Карта была испещрена красными отметинами с указанием точных координат. Каждая метка обозначала...

– Значит, все это – русские военные объекты? – Йохан прищурился, прикидывая количество красных точек. Их было много. Очень.

– Да, ваше преподобие, – брат Себастьян почтительно склонил голову. – Старейшина поморов из Соловецкой крепости сказал так.

– Не обманул? – Магистр оторвался от карты. Пристальный взгляд глаз цвета стали полоснул по лицу брата Себастьяна, словно кинжал с раздвоенным лезвием.

– Вряд ли. Помор находился в таком состоянии... – начал брат Себастьян, но, запнувшись, уточнил: – Он был доведен до такого состояния, в котором люди предпочитают не лгать. К тому же я дал ему понять, что проверю его информацию. И, разумеется, объяснил, что ждет его в случае обмана.

– Почему ты не привез его с собой?

– Он слишком стар и слишком слаб, ваше преподобие. Не думаю, что старик выдержал бы такой путь. К тому же он мог проговориться викингам о том, что я везу. А викинги могли предъявить права на карту. Спорить с ними на их драккаре трудно.

– Разумно, – согласился Йохан. – А этот помор... он все еще жив?

– Когда я уезжал, был жив, – кивнул брат Себастьян, обозначив уголком рта подобие слабой улыбки. – И дорожил своей жизнью так, как это могут делать только старики, уже отжившие свой век, но не желающие умирать.

– Есть кому за ним присмотреть?

– Я оставил на Соловках брата Фридриха.

– Брат Фридрих, – Магистр наморщил лоб. – Это...

– Пыточный мастер при нашем посольстве, – подсказал ландкомтур. – Собственно, он и заставил помора говорить. Он же проследит за тем, чтобы старик не болтал лишнего викингам. Но все же я попросил сохранить пленника живым так долго, как это будет возможно. На тот случай, если он нам вдруг пригодится.

– Хорошо, брат Себастьян, – кивнул Йохан. – Ты сделал благое дело для Святой Инквизиции, и твои усилия будут вознаграждены. А теперь ступай и отдохни. Мне нужно помолиться.

Ландкомтур с поклоном удалился из шатра.

* * *

За пологом, который, выходя, поднял брат Себастьян, открылся вид на берег и море. Суша пестрела от шатров и знамен с черными крестами. В море было тесно от прибывающих кораблей. Суда уже сейчас не помещались в бухте и многие стояли на рейде в открытой воде. Армада собиралась в единый кулак.

«Только бы не было шторма», – подумал Йохан. Впрочем, даже если и будет... Шторм позволит отобрать для экспедиции самые надежные корабли и самые умелые команды. Лучшие из лучших.

Полог опустился.

Магистр еще раз глянул на карту. Она была изготовлена в виде книжки-раскладушки. Такую карту удобно хранить, транспортировать и использовать, открывая нужную страницу или разворачивая целиком.

Сыпь ярко-красных точек хорошо выделялась в сетке меридианов и параллелей, между мелким, но очень четким кириллическим шрифтом, обозначающем города, реки, моря. Точки располагались и на территории Большой русской Скверны, и южнее ее, и севернее, и восточнее. Если хотя бы малая часть красных меток действительно окажется сохранившимися военными объектами и складами – этой карте поистине нет цены.

Завладев ТАКИМИ запасами старого оружия, Святая Инквизиция сможет противостоять любому врагу Черного Креста и любым созданиям Скверны. С ТАКИМИ запасами Орден подомнет под себя весь мир. Установит контроль над ним. И будет чистить, чистить, чистить оскверненные земли.

Йохан не особенно рассчитывал найти исправные ракеты, танки или самолеты. Во время Бойни все это наверняка стало приоритетной мишенью, а что не стало – вышло из строя без надлежащего ухода. Проржавело, сгнило, сломалось.

Нет, военная техника, скорее всего, превратилась в металлолом. Но ведь были еще арсеналы стрелкового оружия. О подземных мобилизационных складах, разбросанных по необъятным российским территориям, до сих пор ходят легенды. И хоть какие-то из них должны же сохраниться! Простые, неприхотливые и безотказные «калашниковы» и штабеля цинковых ящиков с патронами приумножили бы силу Святой Инквизиции.

Силу... Йохан невесело улыбнулся. Раньше реальная сила измерялась количеством ядерных боеголовок. Теперь – количеством старых стволов и боеприпасов к ним. Мир измельчал. Как, впрочем, и люди. Люди сейчас много боятся и мало живут. Лишь немногие переступают через тридцатилетний рубеж, остальные погибают раньше. И видят теперешние людишки недалеко. Они, как правило, ограничиваются своими жалкими клочками земли, зажатыми между территориями Скверны. Только Святая Инквизиция решается менять этот грешный мир к лучшему с помощью огня, меча, Черного Креста и благочестивых молитв.

Магистр встрепенулся. Кстати, он ведь хотел помолиться. Надо поблагодарить Черный Крест за карту. Попросить удачи. И совета.

Совет сейчас нужен как никогда. И корабли, и люди практически готовы к отплытию. Скоро начнется Великий западный поход и новая Конкиста.

Но карта, привезенная братом Себастьяном, породила сомнения.

Не разумнее ли сначала отправить войско за старым оружием? Если найти его, морская Армада Святой Инквизиции станет поистине несокрушимой.

Но с другой стороны... Поиски военных объектов в восточных землях займут много времени, а с запада все ощутимее веет угрозой, не очень понятной пока, но уже вполне отчетливой. Орденские разведывательные экспедиции, уплывающие вслед за солнцем, не возвращаются обратно, зато океан все чаще приносит странных неведомых тварей. Причем исчадия неведомой Скверны, выползающие из атлантических вод, ведут себя слишком... слишком организовано, что ли. Уж очень их слаженные действия напоминают тактику передовых отрядов противника, просачивающихся на чужую территорию, проводящих разведку и прощупывающих силы врага перед решающим вторжением. Возникает впечатление, будто тварей гонит на Европу чья-то злая воля.

Если дело действительно обстоит так, то медлить с отплытием нельзя. Обычный человек не способен управлять мутантами. Значит, морских гадов из Атлантики контролирует какое-то особое отродье Скверны, до которого нужно добраться, и поскорее.

Собственно потому и собирается сейчас Армада, потому и готовится морской поход на запад. Святая Инквизиция должна уничтожить неизвестного врага, кем бы он ни был, прежде, чем враг этот сам нанесет удар. А что будет, если орденские силы отправятся на восток искать российские военные объекты, а Европу тем временем захлестнет нечто, что несет угрозу Ордену и Черному Кресту?

Совет... Верховному Магистру Святой Инквизиции нужен был мудрый совет.

* * *

Йохан сложил карту, поднялся из-за стола и подошел к высокой треноге, на которой стояла жертвенная серебряная чаша, прикрытая пластиковой крышкой. Судя по весу, чаша была наполнена, впрочем, как и всегда: за этим братья из охраны Магистра следили особенно тщательно.

Йохан раздвинул полог, отделявший жилую и рабочую части шатра от Святилища. Здесь начиналась запретная территория, вступать на которую имел право лишь Верховный Магистр. Свет сюда почти не попадал, в углу едва тлела подвешенная на цепочке лампадка.

Он зажег от лампадки свечи в крестообразном подсвечнике.

Под плотным, украшенным черными крестами балдахином в самом центре Святилища на небольшом – по пояс – возвышении был установлен походный алтарь.

Йохан откинул занавес и шагнул к алтарю. Внес жертвенную чашу и подсвечник. Тяжелая негорючая ткань балдахина, шурша, опустилась за его спиной, окончательно отделив Магистра от мира и суетных мыслей.

Это было место уединения, молитв, размышлений и снисходящей благодати.

На алтаре хранился Ковчежец. Небольшая, отделанная пластиком, окованная металлом и украшенная золотом шкатулка, по размеру и форме напоминающая глухой рыцарский шлем. На инкрустированном боку Ковчежца выделялась выступающая изнутри гладкая поверхность с правильным крестообразным вырезом. Две пересекающиеся под прямым углом темные щели. Каждая – не длиннее мизинца. Черный Крест. Главный знак и главная святыня Ордена.

Черный Крест Святой Инквизиции не имел ничего общего с религиозными культами прошлого. Кто-то в новые времена после Бойни зачем-то возвращался к прежним богам, не убогшим этот мир. Инквизиция поступала разумнее: новым временам она несла новую веру. Ее Черный Крест не отягощен связью со старым миром и старым крестом. Тут все по-другому. И проще и сложнее одновременно. Крест для новых Инквизиторов был ценен сам по себе. Просто как Крест. Черный. Великий. Сильный. Беспощадный. Сейчас он был не просто символом, он являлся самой сутью веры. Крест сам по себе был богом, и никаких других богов Святой Инквизиции не требовалось.

Йохан благоговейно опустился на колени перед реликвией. Поставил рядом жертвенную чашу и свечи.

Сразу за алтарем стояло старое зеркало, в которое надлежало посмотреться, прежде чем приступить к молитве, и в которое нужно было взглянуть, уходя из Святилища.

Неровное пламя свечей вырывало из мрака лицо Магистра, Ковчежец и зеркало. Секунду или две Йохан всматривался в свое зеркальное отражение, настраиваясь на нужный лад. Бледный лоб, глубокие впадины глаз... Он решил, что готов к молитве.

Склоненная голова коснулась Ковчежца. Магистр почувствовал лбом приятную прохладу гладкого бока реликвии и тепло крестовидного выреза на ней.

Губы уже шептали молитву.

– ...Черный Крест... мудрости... власти... могущества... веры... – слова едва-едва прорывались сквозь взволнованное дыхание. – Взываю... помоги... вразуми... проясни... дай совет...

Тяжелый полог балдахина, укрывший человека и его святыню, не шевелился и был подобен стене.

– Черный Крест! Взываю! Взываю! Взываю! Взываю! – четырежды, как и положено просить у Креста, вымолвил Йохан и замер в ожидании ответа, не поднимая головы и не отрывая лба от Ковчежца.

Ответ пришел. Правильный ответ. А других Черный Крест и не дает.

* * *

Молитва помогла успокоиться и сосредоточиться. Мысли потекли в нужном направлении. Черный Крест дал знать, что и как нужно делать. Крест все объяснил и все разложил по полочкам. Как всегда.

Перед людьми, изготовившимися плыть на запад, нельзя ставить новую цель и вести их на восток. Они уже получили необходимый настрой, который не стоит ломать. Люди, собранные для плавания, готовы к плаванию. Любой другой приказ может поколебать их веру и их верность. Но главное даже не это. Глупо отправлять Армаду с наемниками-ландскнехтами на

поиски старого русского оружия. Старым оружием должны владеть только рыцари Ордена. А значит...

Решение лежало на поверхности. Нужно было только попросить Черный Крест о помощи, чтобы понять это.

Значит, когда флот отплывет в закатную сторону, несколько экспедиционных рыцарских отрядов отправятся в русскую Скверну. И дальше – за Скверну тоже. Рыцари Святой Инквизиции совершат рейд по обозначенным на карте объектам и вернутся с добычей. Или с важной информацией.

Йохан поднял голову и снова взглянул в зеркало. На лбу Магистра темнел отпечаток Ковчежца. Два перекрещивающихся жирных мазка густого дегтярного цвета повторяли очертания крестовидного отверстия на боку реликвии. Неоспоримое подтверждение того, что Черный Крест снизошел до ответа и направил мысли молящегося.

Что ж, Скверна ставит метки на своих мутантах, а Черный Крест помечает верных слугителей своей печатью. Магистр улыбнулся, наблюдая, как быстро печать Креста впитывается в кожу и без следа исчезает среди морщин. Снаружи такие отпечатки не держатся долго, но внутри они остаются навсегда.

Не поднимаясь с колен, Йохан открыл чашу, которую принес с собой. Под пластиковой крышкой лежало свежее мясо, нарезанное тонкими ломтиками. Время молитв прошло. Пришло время приносить жертву.

Магистр выловил из кровавой жижи пласт сырого мяса и поднес его к крестообразной прорези на боку Ковчежца. Мясной ломоть втянуло внутрь. И второй. И третий. И следующий. В Ковчежце послышались чавкающие звуки. Черный Крест принял жертву.

Темная прорезь на боку Ковчежца окрасилась в багряное. Но Йохан знал: это лишь на время. Черный цвет скоро снова поглотит красные оттенки.

Крест ел любое мясо. Чистые животные и мутанты Скверны, рыба, морские гады – ему было без разницы. Человеческое мясо он, кстати, принимал тоже. Черный Крест был живой святыней. И чтобы поддерживать жизнь, ему нужно было есть.

Говорят, раньше в ковчеге хранились мертвые святые мощи, да и теперь кое-где люди еще поклоняются засохшим останкам. Только какой в этом смысл? Магистр не понимал. Вот Черный Крест – жив и могуществен. Любой, кто прикладывается к нему лбом, физически ощущает его силу. А что может мертвая святыня?

Выйдя из Святилища, Йохан снова поставил опустевшую жертвенную чашу на треногу. Накрывать крышкой не стал. Пусть чашу снова наполнят свежим мясом.

Глава 3

Опасность в Котле могла таиться где угодно, и Виктор, уже привыкший во всем полагаться на всевидящее красное око Костяники, чувствовал себя на французской земле неуютно. Пластиковое забрало, за которым девушка-мутантка вынуждена была прятать глаза, сводило на нет ее полезные способности. Пока тонированный пластик отгораживал от мира лицо Костяники, она не могла вовремя распознавать угрозу. Так случилось и на этот раз.

Одинокое, опутанное кроновым мхом камень-дерево, возле которого расположилась на привал русская рота, казалось безобидным. Его скрученные ветви были не очень густыми, а намотанные на них и покачивающиеся на ветру, словно ордынские бунчуки, моховые клочья, не смогли бы укрыть крупного зверя. Зверя – нет, но когда сверху вдруг посыпались черви, отскочить от дерева успели не все.

Пять или шесть ландскнехтов свалились как скошенные, захрипели, тараща глаза и сотрясаясь в мелкой судороге. Костяника в ужасе шарахнулась прочь.

Виктор почувствовал, как на правый рукав ему что-то ляпнулось сверху. Ага, вот она, зараза. На толстой кожаной куртке с защитными бляхами извивался жирный червь цвета скисшего молока. Короткий, толстый, с острой колючкой спереди. Шип слепо тыкался в металлические и пластиковые пластины и пробовал на прочность толстую кожу доспеха. Доспех уколол пока выдерживал, но червь упорно искал уязвимое место. На кончике шипа поблескивала вязкая капля.

Яд? А вдруг?

Виктор отдернул пальцы, которыми намеревался сбросить отвратительное существо. В Котлах даже с такой мелюзгой следует вести себя осторожно.

Он тряхнул рукой, однако тварь падать не желала. Червь словно прилип к куртке-панцирю и настырно продолжал изучать ее поверхность. Видимо, шершавая, потрескавшаяся кожа и нашитые на нее бляхи помогали червяку держаться. Извиваясь, он полз по рукаву все выше. Да что же это такое-то, а?!

– Иглонос! – раздался рядом чей-то крик. Кричал Кошкодер.

Иглонос... А словечко-то знакомое! Точно! Костяника рассказывала о шипе иглоноса, при помощи которого брат Себастьян собирался прикончить ее на драккаре викингов. То-то девчонка так сдернула от дерева. До сих пор Виктор знал об этом ядовитом существе лишь с ее слов, и – вот, пожалуйста: представился случай познакомиться поближе. Причем не только ему.

– Пшли на хрен, мать вашу, гребаные опарыши! – басовито и, как показалось Виктору, испуганно заорал Костоправ, тоже безуспешно пытавшийся сбросить с себя опасных червей.

Виктор увидел, как еще кто-то упал, уже отбежав от опасного дерева. Наверное, не всякий доспех спасет от жала твари. И даже хваленый ландскнехтский строй сейчас не поможет. А вот ему, Виктору...

«Повезло!» – промелькнула мысль. Если бы эта шипастая зараза попала на лицо, неприкрытые руки или завалилась куда-нибудь за шиворот, он бы тоже бился сейчас в судорогах и пучил глаза от боли. А так – есть время. Виктор выхватил из ножен короткий ландскнехтский меч и...

И пусть тот, кто скажет, что с мечом против червяка воевать глупо, идет далеко и надолго в указанном Костоправом направлении. На хрен, мать вашу, в общем...

Виктор скovyрнул лезвием тварь с куртки, сбросил на землю и раздавил извивающееся жирное тело. Под ногой противно хрустнуло и хлюпнуло.

* * *

– У-у-у, глисты позорные, шип вам из носа в зад! – разорвался Костоправ. И было от чего: Виктор заметил на нем сразу три белые загогулины. Две – на плечах, как погоны, третий червь заползал за спину. Стараясь стряхнуть мутантов, но опасаясь прикасаться к ним, Костоправ дергался, подпрыгивал и размахивал руками. Со стороны могло показаться, будто лекарь выплясывает дикарский танец или бьется в трясучке.

Видимо, Костоправ заметил, как один из червей уползает из пределов видимости, и заволновался еще сильнее. Сорвав с пояса кистень, лекарь попытался сбить тварей.

Звяк! Звяк! – стукнулась гирька о доспех. Лекарь не рассчитал: на панцире треснула пластиковая бляха. Костоправ взвыл от боли, но ничего не добился.

– Замри! – Виктор с обнаженным мечом подступил к товарищу.

Тот, продолжая материться, все же прервал свой танец и застыл в нелепой позе: вполуприсяде, с разведенными в стороны руками. В правой покачивался кистень.

Шик, шик, шик. Три движения клинка – и готово! Черви с плеч и со спины Костоправа слетели в траву. Лекарь тут же ожил...

– Н-на! Н-на! Н-на! – три удара кистеня довершили расправу, оставив на земле лишь мокрые пятна.

По примеру Виктора еще несколько рекрутов стряхивали червей с себя и друг с друга при помощи ножей и мечей. Похоже, опасность миновала, но Костоправ никак не мог успокоиться.

– Вообще, писец полный! – сокрушался он. – Чуть за шиворот, суки, не заползли! Да я этих ползунов игложопых щас повтыкаю друг в друга, етить...

– Иглоносых, – машинально поправил Виктор.

– Пофиг! Хоть иглохренных! Все равно повтыкаю и... и... – Костоправ задумался, но ненадолго. – Ожерелье, мля, из них Змейке сделаю.

Вообще-то очень сомнительно было, что Костоправ всерьез намеревался заняться подобным ювелирным творчеством. Да и Змейка вряд ли будет рада такому подарку. Впрочем, Виктор решил дать товарищу выговориться.

Выговаривался Костоправ долго, смачно и витиевато, пока его затянувшийся монолог не прервала Стрелец-баба.

– Стой, не двигайся! – Змейка расширенными глазами смотрела куда-то между ног Костоправа.

– Н-н-нет, м-м-мля! – побледневшими губами произнес тот, с обреченным видом опуская голову.

Опа! Виктору тоже стало не по себе. На бедняге-то, оказывается, сидел еще один червь, которого он не заметил. Похоже, гаденыш прятался за наколенником, а теперь переполз на пах. А ведь там снизу на штанах никакой защиты. Один укол, да еще в такое место и – прощай, Костоправ!

В руке лекаря снова дернулся кистень. Дернулся и замер. Ага, не будешь же лупить себя гирькой по яйцам.

– Н-н-нет... – снова растерянно простонал Костоправ.

Шипастый червь уже изогнулся крюком, выставив ядовитую иглу вверх. Он явно намеревался нанести пробный укол.

* * *

– Спокойно, – сказал Виктор, хотя сам никакого спокойствия не чувствовал.

Он осторожно двинул мечом.

Змейка стояла ближе и действовала быстрее.

Выпад. И ф-ф-ших!

Заточенная сталь мелькнула между расставленных ног Костоправа. Рассеченная надвое белесая загогулина упала в траву, а на штанах лекаря появился порез. К счастью – только на штанах: крови нет.

Костоправ и Виктор выдохнули одновременно.

«Хороший удар», – подумал Виктор.

Что ж, Змейка была в своем праве. То, что хранится в Костоправовых штанах и на что покушался ядовитый червяк – ее законные владения. И защищать их – тоже ее прерогатива.

– Чисто! – объявила Змейка.

И защищать, и зачищать...

– Чисто, мля? Уверена, мля? – на полном серьезе спросил Костоправ. – Я точно не обоссался, епс, и в штаны не наложил? А то мне чего-то показалось...

– Идиота кусок! – поморщилась Стрелец-баба.

– Ты поговори еще, женщина, – буркнул Костоправ. – И это... На привале портки зашьешь, ясно?

– С какой, блин, радости?

– С такой! Ты порезала, ты и зашивай. Что я, едрить-перевердить, в дырявых штанах теперь по Котлу бегать буду?

Ладно, пусть поворкуют голубки. Виктор отошел к Костянике. Тонированное забрало закрывало ее лицо, но и так было понятно, в каком состоянии она сейчас находится: девушку всю аж трясло. Наверное, неприятные воспоминания. Драккар викингов, брат Себастьян, червяк с ядовитым шипом... Виктор приобнял Костянику, успокаивая.

А возле Костоправа уже ходил, пряча улыбку в бороде, Василь.

– А ведь Змейка запросто могла бы промазать, – философски заметил помор, разглядывая дырку на штанах лекаря. – Слышь, Костоправ, ты бы как предпочел: чтобы тебе туда ядовитой иглой засадили или чтобы хозяйство срезали?

Ну, это Василь зря... Костоправ был сейчас не в том состоянии, чтобы шутки шутить.

– Варезку захлопни, весельчак, – посоветовал лекарь, выразительно качнув кистенем. – И на завязки завяжи, пока зубы целы, епть!

– Да я-то захлопну, – осклабился Василь, все еще глядя на распоротые штаны. – Я-то завяжу. Но тебе ведь от этого теплее не станет.

Костоправ резко и неожиданно мотнул кистенем. Гирька, описав в воздухе неуловимую короткую дугу, звякнула по широкому полю шлема на голове помора.

Дзын-н-нь!

Шлем слетел на землю. Кистень мелькнул перед самым лицом Василя.

Сила удара и расстояние были рассчитаны столь же тщательно, как сила и расстояние недавнего Змейкиного выпада. Но вообще-то раньше у Костоправа до рукоприкладства доходило редко. Крыть матом он крыл, но чтобы вот так...

* * *

– Ты чего творишь, морда лекарская?! – возмущенный Василь схватился за меч. – Совсем с катушек съехал?!

– В чем дело?! – к ним подскочил встревоженный Кошкодер. Ну, конечно: разборки в роте, да еще с применением оружия. За такое у ландскнехтов вешают.

– Все путем, капитан, – хмуро отозвался Костоправ. – У этого умника глист шипастый на каске сидел. Мог и в башку забраться.

Ага, и попробуй теперь докажи, что это не так.

Виктор покосился на каску помора. Ого! А ведь все так! На поцарапанном и чуть смятом поле каски осталось пятно слизи и ядовитый шип. Костоправ действительно сбил опасного червя. Ну, разве что ударил при этом по шлему сильнее, чем следовало бы. Наверное, чтобы выпустить пар, одной ругани было недостаточно. Впрочем, лекаря тоже понять можно: сначала беднягу заставили поплясать ядовитые червяки, потом его чуть не ужалили в самое ценное для мужика место, потом едва не срезали мечом причиндалы, потом – перебранка со Змейкой и, наконец, – насмешки Василя. Станешь тут на людей с кистенем бросаться.

Василь, сплюнув, вложил меч в ножны и молча принялся оттирать шлем травой.

– Понятно, – разглядев остатки червя на каске, Кошкодер тоже успокоился и потерял интерес к конфликту.

Сейчас его больше занимало другое.

– Все назад! – велел капитан, обращаясь к подчиненным.

Вообще-то этот приказ, на взгляд Виктора, был сильно запоздавшим и даже совершенно уже излишним: все, кто мог, давно отступили от опасного дерева. Но второй приказ, прозвучавший вслед за первым, вообще не лез ни в какие ворота.

– Назад говорю! К дереву!

Ландскнехты, стоявшие вокруг, недоуменно переглянулись.

– Ты че, Кошкодав, вместе с червяками с дерева рухнул? Головой ударился? Или тебя в мозг, едрить твою, ужалили? – Костоправ, еще не до конца отошедший после пережитого шока, не выбирал выражений.

– Чего?! – капитану это, конечно, не понравилось. Ноздри Кошкодера расширились, единственный глаз гневно сверкал.

– Какое еще на хрен «к дереву»?! – не унимался лекарь. – Ты глаза разуй! Посмотри на это, мать его, дерево! Там опарышей игложопых как нарывов на старой шлюхе!

Действительно, ядовитые черви, похожие на отрубленные пальцы толстяка, вновь сползались к камень-дереву. Некоторые начинали подниматься по выступающим из земли узловатым корням и толстому шершавому стволу.

– Да чтоб мы туда... Ох... еть! – Костоправ как стоял, так и застыл с раскрытым ртом и покачивающимся в руке кистенем.

Отчетливое движение наметилось не только снизу. Вверху, в бороде кронового мха, тоже что-то зашевелилось, раздвигая зеленую губчатую массу. Одна из скрюченных веток камень-дерева вдруг разогнулась и, шевеля «сучьями», потянулась к лежавшим на земле людям.

Да нет, никакая это не ветка! Виктор вдруг осознал, что видит некое существо, приросшее к дереву и являвшееся, вне всякого сомнения, его частью, принявшее его цвет и форму, но живущее при этом своей собственной жизнью. На конце (носу? голове?) неведомой твари имелось утолщение, словно бы изъеденное жуками-древоточцами. Только не в жуках тут дело. Судя по всему, именно из этой «ветки», прятавшейся до поры до времени в кроновом мху, и высыпались на людей ядовитые черви.

Наступила тишина, в которой отчетливо слышался лишь шелест и слабое похрустывание ожившей ветки. Словно змея или, скорее, гибкая рука, она тянулась к ужаленным ландскнехтам. На источенном утолщении-набалдашнике будто пальцы шевелились несколько длинных тонких отростков.

Ландскнехты попятились от дерева.

Глава 4

– Ни хрена ж себе, охренительная хреновина, хреном ее об хрен, нахрен! – вновь обозначил свое присутствие Костоправ. При желании и определенном вдохновении он мог виртуозно жонглировать даже одним из своих любимых словечек, выстраивая на его основе замысловатые конструкции.

Лекарь повернулся к капитану:

– Это что за хрень такая, Кошко...

– Иглонос, – не дослушав, ответил тот.

– Ёпть! А те глисты с иголками тогда кто?

– Шипы иглоноса, – сухо объяснил Кошкодер, вынимая меч.

– Охренеть! – видимо, шокированного в очередной раз Костоправа крепко заклинило на «хреновой» теме. – Живые шипы?

– Живые как видишь.

– Мля! – глубокомысленно изрек Костоправ, обдумывая услышанное.

Действительно, было над чем задуматься. Это что же получается: ветка, которая не ветка вовсе, и черви, которые тоже, оказывается, не совсем черви, действуют сообща? Симбиоты? Паразиты? Единый организм?

– Слышь, – Виктор тихонько позвал Костянику. – Тебе такое дело знакомо?

Девушка отрицательно качнула закрытым шлемом. В тонированном забрале отразилось заходящее солнце. Ну да, она была бы хорошим гидом в русском Большом Котле, а здесь – французский. Здесь уже встречалось много чего такого, что Костяника сама видела в первый раз. У каждого Котла, как и у каждого человека – свои странности. А любая странность – это потенциальная опасность.

Виктор тоже потянул клинок из ножен.

– Вперед! – снова потребовал Кошкодер. – Чего встали, волкопсовы дети?

– Опух, да? – удивленно воззрился на него Костоправ. – Хочешь, чтобы мы сами полезли под этот хрен быконский?

Самое интересное, что ветка с набалдашником на конце действительно отдаленно напоминала половой орган самца-быконя. Только очень большой. Костоправ по причине своей безнадежной и окончательной испорченности склонен был безошибочно подмечать подобные вещи.

– Оно нам надо, капитан? Совсем без роты остаться хочешь? Или у тебя так много людей, а, мля?

Вопреки ожиданиям, Кошкодер не стал рвать и метать. Капитан не угрожал и не орал на подчиненных. Только раздосадованно сплюнул:

– Сзади прикройте, чтобы червяки не подползли. И учитесь, салаги!

Кошкодер направился к злополучному камень-дереву.

Костоправ покрутил пальцем у виска.

Черви в траве больше не копошились: все они уже поднимались по камень-дереву, от чего казалось, будто по темной коре снизу вверх течет волна отвратительного белого гноя.

Кошкодер беспрепятственно подошел к живой «ветке», когда та уже почти дотянулась до первой жертвы. «Ветка» нацелилась в ноги парализованному ландскнехту, однако, почуяв присутствие дееспособного человека, повернулась изъеденным утолщением-гнездом к капитану. Иглонос уставился на Кошкодера зияющими дырами, словно множеством пустых глазниц. Угрожающе зашевелились передние отростки твари, сама она вся напряглась, будто змея перед броском.

Со ствола камень-дерева на землю снова беспорядочно посыпались черви. Со всей невеликой скоростью, на которую они были способны, ядовитая мелюзга поползла к Кошкодеру. Движение обозначилось и в гнезде-наросте: там, в темных норах тоже закопошилась шипастая дрянь.

* * *

Кошкодер бросился к иглоносу и тут же отскочил в сторону: мутант, среагировав на атаку, резко дернул навстречу человеку гнездом-набалдашником. Оттуда, будто маленькие толстые стрелки, вылетело несколько шипастых червей. Два или три попали на нагрудник Кошкодера, но проткнуть его не смогли.

В воздухе мелькнул короткий ландскнехтский клинок. Раз, другой. Врубился под углом в живую «ветку». Раздался звук, похожий одновременно на смачный засос и хруст сломанной кости. Срубленное гнездо упало на землю, словно отсеченная голова, а сама живая... нет, уже не живая «ветвь» обвисла, как порвавшийся канат, сочась бесцветной жидкостью – то ли соком, то ли кровью.

«Настоящую ветку камень-дерева так просто не перерубить», – подумал Виктор.

После смерти иглоноса что-то случилось и с червями. Все они замерли на месте, бесцельно и, как показалось Виктору, растерянно покачивая поднятыми жалами. Из нор в отрубленном «гнезде» выползло еще несколько вялых червяков, но и те тоже подняли шипы, словно сдаваясь на милость победителя.

По всему выходило: живая «ветвь» каким-то образом управляла своим червивым выводком, и теперь, утратив связь с ней, шипастые твари не знали, что делать.

Кошкодер мечом стряхнул червяков, прилипших к доспеху, и призывно махнул рукой.
– Ко мне, кто еще не обгадился! – прозвучал его насмешливый голос. – Живее!

Ландскнехты осторожно потянулись к капитану.

– Костяника, Змейка, вы пока постоитесь в сторонке, – посоветовал Виктор. Девушки возражать не стали.

Виктор, Василь и Костоправ приблизились к дереву.

– Лекарь, осмотри этих, – Кошкодер кивнул на пострадавших от яда иглоноса. – Сможешь быстро поставить их на ноги?

В вопросе капитана не было и намека на надежду.

Костоправ занялся парализованными. Но, судя по тому, что ужаленных рекрутов он осматривал молча, не произнося вслух ни одного матерного слова, несчастные были обречены: Костоправ ругался только над теми пациентами, которых мог вылечить.

Виктор заметил извивающегося под ногой червя. С омерзением раздавил.

– Отставить! – нахмурился Кошкодер.

Виктор удивленно посмотрел на него:

– Что отставить?

– Топтать червяков отставить.

– А чего с ними делать?

– Ты и ты. – Кошкодер ткнул пальцем в Виктора и Василя. – Возьмите каски, – капитан указал на шлемы парализованных ландскнехтов.

Виктор и Василь подняли чужие шлемы, еще не вполне понимая, зачем.

– Собрать червей! – велел капитан таким спокойным тоном, будто речь шла о том, чтобы накопать червячков для рыбалки.

Даже Костоправ на секунду оторвался от своего занятия. И хотя на этот раз лекарь промолчал, за него все сказали его глаза.

– Собрать? – опешил Виктор. – На кой нам собирать эту гадость?

– Надо, – не стал вдаваться в подробности Кошкодер.

– Но как? – Василя больше интересовала не столько цель, сколько процесс.

– Ручками. Вот так, – показал капитан. – Аккуратненько берете под самым шипом и кладете в шлем. Сейчас, пока они ошалелые, их собирать легко. Потом, когда малость прочухаются, будет хуже.

Действительно, трудностей не возникло. Только прикасаться к тварям было страшно и противно. Жирные влажные тела омерзительно скользили между пальцев, а на кончиках жал поблескивали капельки яда. Но все же и Виктор, и Василь довольно быстро набрали по полной каске червей.

Твари лениво, как пчелы после заморозков, копошились в широкополых шлемаках. Виктор искренне порадовался, что держит в руках чужую каску. Надевать ее на голову очень бы не хотелось.

* * *

– Лучники, арбалетчики, ко мне, – приказал Кошкодер.

На зачищенной от червей поляне сгрудились стрелки – озадаченные, непонимающие, настороженные.

– Всем смотреть и слушать внимательно, – продолжал капитан. – Второй раз повторять не буду. Для начала запомните главное: яд в шипе иглоноса сильный, но сам шип проткнет не всякую шкуру.

– И какой смысл тогда от яда? – скривилась протолкавшаяся вперед Змейка.

– Ну, во-первых, для защиты: ни иглоноса, ни его шип так просто не сожрешь: получишь жалом в глотку. А во-вторых, даже у самой бронированной твари есть уязвимые места, и шип иглоноса, если уж он попал на тело, постарается их найти. Глаза, уши, нос, губы... – Кошкодер усмехнулся, – половые органы, задница...

– Милый червячок! – поежилась Змейка.

– Он что, в жопу залезает? – то ли удивился, то ли ужаснулся Костоправ, на секунду отвлекшись от раненых и окинув тревожным взглядом траву, на которой сидел.

– Может и залезть, – пожал плечами Кошкодер. – Эта тварюшка без комплексов. Но нам она нужна для другого. Из шипа иглоноса получается хорошее оружие.

– Врагу подложить под задницу? – фыркнула Змейка. – Или в штаны подсунуть?

Виктор заметил, как дернулся Костоправ.

– Можно и так, конечно, – Кошкодер неодобрительно покосился на Стрелец-бабу. – Но лучше использовать их по-другому.

Он бесцеремонно вытащил стрелу из колчана Змейки. Начал показывать.

– Короче, делать надо так. Берете стрелу, берете червя, берете бечевку. Ту, которую вам выдавали, чтобы оперенье прикручивать. Потом привязываете этого опарыша во-о-от здесь, чуть пониже наконечника.

Капитан ловко примотал извивающееся белое тельце к древку. Вскоре зафиксированный червяк перестал извиваться, только чуть подрагивал под наконечником влажный от яда шип.

– Только крепче привязывайте, прямо по сегментам, чтобы не уполз. Потом берете кусок кронового мха...

Кошкодер сорвал моховый клочок со срубленного «гнезда» иглоноса.

– Скатываете его поплотнее, вот так. Закрываете мхом шип, чтобы самым сдуру не уколотся. И тоже привязываете. Перед боем снимаете моховый колпачок и стреляете. Если наконечник пробьет шкуру, панцирь или кольчугу, то иглонос ужалит в рану. Тогда с одного выстрела можно свалить любую тварь и человека. Держи. – Кошкодер вернул стрелу Змейке.

– А он так не сдохнет? – спросила девушка, с безразличным выражением рассматривая примотанного червя.

– Сдохнет. Но не сразу. Шипы иглоноса – живучие твари. Их надолго хватает. Через океан переплывете – они еще будут жить. Короче, берите червячков и делайте себе супероружие. Чтобы у каждого было в колчане хотя бы по полдесятка таких стрел.

Каски с червями перекочевали к стрелкам. Существа из Котлов не переставали удивлять.

* * *

– Слышь, Кошкодер, а что это вообще такое? – Виктор кивнул на обвисшую «ветку», из которой сочилась бесцветная жижа. – Что за дрянь?

– Я же говорил уже: иглонос, – устало ответил капитан. И, вздохнув, дал более подробное объяснение: – Всего лишь еще одна котловая тварь, не похожая на остальных.

«Всего лишь, ага...» – подумал Виктор.

– Прирастает к дереву, наматывает на себя кроновый мох и сидит в засаде. Когда кто-то проходит мимо – выпускает шипы. Ну, червячков этих. Черви падают сверху, жалят добычу, потом возвращаются обратно в гнездо. Яд иглоноса парализует, но убивает не сразу. Это чтобы мясо дольше не портилось. Иглонос протыкает жертву своими отростками. Вот этими, которые спереди... – Кошкодер тронул носком сапога длинные и тонкие, похожие на молодые побеги, щупальца срубленного гнезда. – Если шип иглоноса нашел на жертве уязвимое место, чтобы ужалить, то и сам иглонос сможет ее проткнуть.

– А потом? – спросил Виктор.

– Потом он несколько дней будет жрать парализованную добычу.

– Заживо, что ли?

– А по другому он не умеет.

Бр-р-р! Жуткая смерть.

Виктор вспомнил мох-сосунок и огненные грибы. Похоже? Да, наверное. Чем-то. Но все-таки иглонос – это что-то совсем другое. Флора и фауна Котлов непредсказуема и неповторима. Кстати, так сразу и не разберешь, к чему отнести иглоноса – к флоре или фауне? Или он является и тем и другим одновременно?

– А эти шипастые черви...

– Вообще-то это, скорее, личинки, – перебил его Кошкодер. – Пока не подрастут, живут при иглоносе. Вернее, в нем. Потом ищут себе дерево и селятся там. Есть целые заросли таких древесных тварей, но сюда, к тракту, они раньше не добивались.

– А ты многое знаешь, – заметил Виктор.

– Я уже бывал во французском Котле, – пожал плечами Кошкодер. – Думаешь, вы первые, кого я здесь веду? Думаешь, иглоносов раньше не встречал?

– Иглонос – это потому, что у него шипы на носу, или потому, что он иглы носит? – вмешалась в разговор Змейка.

– Какая разница? – поморщился Кошкодер. – Как тварь не назови – хищник всегда остается хищником.

– А кроме долбанных хищников в этом гребаном Котле вообще кто-нибудь живет? – послышался голос Костоправа.

Лекарь уже закончил осмотр пострадавших, и, судя по его смурному виду, диагноз был неутешительным.

– Живут, – ответил Кошкодер. – Только здешние травоядные хорошо прячутся. А кто не прячется – тот поопасней хищника будет. Что с ранеными?

– Кранты твоим раненым, – невесело объявил лекарь. – Считаю, что они уже не раненые, а покойники. Только смерть немного отсрочена. Не знаю, что у этих иглоносов за яд, но про-

тивоядия против такого я не знаю. Я ничего не смогу сделать, даже если будет уйма времени и полная телега лекарств.

– Ясно, – похоже, капитан и не ожидал другого ответа.

Парализованных бедняг Кошкодер добил сам – быстро, умело и деловито, как забивают большую скотину. Тем же мечом, которым зарубил иглоноса. Видно было, что он проделывает это не в первый раз и не испытывает по этому поводу ни малейших угрызений совести. Да и с чего бы? Быстрая смерть даровала обреченным избавление от мук. И все же Виктор был благодарен Кошкодеру за то, что эту неприятную и грязную работу он не поручил им.

Впрочем, для них тоже нашлось дело.

– Золотой, – позвал капитан, – бери своих архаровцев и девок. Выдам вам еще пару щитоносцев для прикрытия. Пойдете во внешний караул от роты. Первая смена – ваша. Ты за главного.

В самом деле, пора бы уже ставить лагерь и назначать караульных: скоро начнут ступаться сумерки. А ночь в Котле – самое «веселое» времечко.

Глава 5

Толстые цепи, связавшие горбатые, похожие на вершушки темных айсбергов спины тягловых китов и Великое Каноэ-птиценосца, были натянуты как тетивы луков. Огромные существа влекли за собой еще более громадный корабль, и бесконечные, раскинувшиеся от горизонта до горизонта луга бурых водорослей, конечно, не являлись для них преградой.

Время от времени раздавалось громкое, будто пушечный выстрел, фыркание, и из спин-горбов высоко в воздух поднимались пенистые фонтаны. Водяные брызги окропляли нос Великого Каноэ, с которого за плавучей упряжкой следили Погонщики. Иногда над заросшей водой разносился тонкий пронзительный звук: это кто-нибудь из Погонщиков свистел в глиняную или тростниковую свистульку, отдавая прирученным гигантам команду и указывая направление движения.

Тягловые киты легко прокладывали дорогу в плотном слое водорослей. Для таких существ Саргассовы луга были как большое пастбище для бизонов. Киты втягивали в себя и пожирали мягкую бурю массу вместе с живностью, которая не успевала убраться с их пути, а то, что не могли сожрать – раздвигали своими мощными толстокожими телами.

Впрочем, сожрать киты могли многое. Эти живые буксиры ели все: водоросли, планктон, мелкую рыбешку и крупную рыбу. И очень крупную. Таким великанам требовалось много пищи. Они постоянно что-то жевали или глотали не жуя, оставляя за собой плавучие зловонные кучи.

И китов, и прицепленное к ним Великое Каноэ оберегала свирепая стража, подвластная Маниту племенного Тотема. Вокруг морской упряжки постоянно сновали двухголовые рогатые змеи сисиютли, морские пантеры мичибичи, похожие на пятнистых игуан драконы ицамны, маленькие, но юркие рыбы-иглы и летающие рыбы, у которых плавники были и крыльями тоже, боевые черепахи, по сравнению с которыми черепашки из Саргасс были безобидной мелюзгой, грозные охотники-осьминоги и трехротые акулы-разведчики, способные в три секунды искромсать врага плавниками-ножами, а затем сожрать его в три горла. Такая охрана разгонит любых морских демонов и тварей, на которых еще не снизошел Маниту.

Впрочем, наблюдение за окружающим пространством велось не только с воды и из-под воды. С воздуха тоже. Гром-птицы, совершавшие дальние вылеты, могли видеть больше, чем видел самый зоркий наблюдатель из экипажа Великого Каноэ.

Следом за каноэ-птиценосцем двигался флот Соединенных Племен Америки, состоявший из судов поменьше. Эти корабли тоже тянули киты и охраняли прирученные морские твари. Но главное – все суда СПА оберегал Маниту племенных Тотемов. Под такой защитой можно было плыть не только через Саргассы, но и через всю Атлантику.

Флот Соединенных Племен шел на восток.

* * *

Снайпер Птичьего племени Разящая Пуля – Меткая Стрела, или просто Пуля-Стрела, как его звали друзья, нес вахту на носу Великого Каноэ-птиценосца, прохаживаясь между ржавой орудийной башней, пушечными стволами на деревянных лафетах и вигвамом Погонщиков.

Как и положено, Пуля-Стрела дежурил в полной экипировке, которую давно воспринимал как часть самого себя. Старый полицейский бронежилет, украшенная перьями каска, деревянные и пластиковые щитки на руках и ногах, несмываемая боевая раскраска из сока Тотема на лице, бусы-вампумы из раковин, стекляшек и дерева, амулеты, армейская винтовка «М-24»

с мощной оптикой, лук с капроновой тетивой, томагавк, подсумки с магазинами и патронами, колчан со стрелами...

Вообще-то патронов у Пули-Стрелы сейчас было мало: добывать оставшиеся от Золотых Времен боеприпасы становилось все труднее. Золотые Времена прошли, теперь все по-другому. Патроны приходится экономить, зато в колчане полно стрел. Есть даже парочка с наконечниками-Кристаллами.

Разящая Пуля – Меткая Стрела, в отличие от многих воинов, умел с одинаковой сноровкой пользоваться и винтовкой, и луком. За что, собственно, и получил свое имя.

И этот пост.

Пуля-Стрела вместе с другими стрелками прикрывал тягловых китов на тот случай, если какому-нибудь дикому морскому хищнику удастся прорваться сквозь боевое охранение прирученных мутантов. Такого, правда, еще не случалось ни разу, но все же осторожность в дальнейшем походе лишней не будет.

Все это Пуля-Стрела, конечно, понимал и службу свою нес исправно. Но сегодня как никогда хотелось, чтобы его поскорее сменили. Дозорного донимало любопытство. Во время очередного патрульного вылета Гром-птица принесла из Саргасс необычную добычу: человека в черных крестах. Вся *плавающая часть* племени, не занятая несением вахты, сбежалась на палубу. Даже здесь, на носу было слышно, как люди кричали: «Человек-с-Крестами! Человек-с-Крестами!»

Потом пленника увели с палубы.

Пуля-Стрела не мог оставить свой пост, а члены экипажа не имели права отвлекать разговорами дежурных наблюдателей, стрелков и Погонщиков, так что не было никакой возможности ни рассмотреть чужака как следует, ни узнать, откуда он взялся и что с ним будет дальше.

Когда, наконец, пришла смена, Гром-птицу уже спустили в клетку под палубой, а недолгий совет, который собрали вождь Великого Каноз Медвежий Коготь и шаман Птичьего племени Беседующий-с-Тотемом, закончился. Теперь Коготь и Беседующий допрашивали пленника, а Пуле-Стреле оставалось довольствоваться чужими рассказами.

Что ж, он знал, к кому обратиться за самой достоверной информацией.

* * *

Смотрящий-за-Волны – черный как сажа, высокий как сосна, зоркий как сокол, чуткий как филин и пронырливый как куница – был лучшим другом Пули-Стрелы с тех пор, как они вдвоем отбили нападение целой стаи плавучих койотов, устроивших охоту на озере племени и едва не сожравших там всю рыбу. Да и после того случая Пуля-Стрела и Смотрящий частенько прикрывали друг другу спины.

Смотрящий родился у чернокожих индейцев, но это не имело ровным счетом никакого значения. Для Тотема все братья и сестры были одинаковы, поэтому и Дети Тотема не обращали внимания на цвет кожи и разрез глаз соплеменников. Важно было только одно: годен ли на что-нибудь человек, будут ли полезны его умения или лучше сразу принести его в жертву и пролить его кровь на Тотем.

Смотрящий-за-Волны годился на многое. Он считался хорошим воином, прекрасным разведчиком и опытным следопытом. А кроме того – умел замечать и слышать то, что действительно важно.

– Это был белый человек с черными крестами, – рассказывал Смотрящий Пуле-Стреле. – Только я так и не понял, кресты – это его боевая раскраска или просто украшение. Они нарисованы не на лице и теле, а на доспехах и нагруднике. Нагрудник, кстати, тяжелый, крепкий, из металла и пластика. Под нагрудником – рубашка из стальных колец. Похоже, чужак бережет

свое сердце от стрел и жертвенного ножа. Руки и ноги тоже защищены. На голове – железный горшок, так что до скальпа не доберешься.

Пуля-Стрела задумался. Странное описание. Под такое не подходят воины известных ему племен. И еще эти странные черные кресты...

– На каком языке говорит Человек-с-Крестами? – спросил Пуля-Стрела.

И как, хотелось бы узнать, допрашивают его вождь и шаман?

– А вот это самое интересное! – понизил голос Смотрящий. На черном лице в боевой раскраске выделялись белки больших, навывкате глаз. – Представляешь, он говорит и понимает по-нашему.

– Он знает наш язык?!

Вот так новость! Выходит, что добыча Гром-птицы – не чужак? Или не совсем чужак? Пуля-Стрела запутался.

– Он знает оба наших Главных Языка, – снова ошаршил Смотрящий. – И северный, и южный.

Невероятно! Незнакомец из гиблых Саргассов, где никак не может быть людей, человек, не принадлежащий, судя по его виду, ни к одному из американских племен, говорит на двух Главных Языках, на которых общаются между собой Соединенные Племена Америки. Даже среди индейцев не все знают и северный, или как его называли раньше – английский, и южный – испанский – языки. Многие пользуются только одним. А Человек-с-Крестами знает два! Почему? Откуда?

– Кто он такой? – выпалил Пуля-Стрела. – Удалось выяснить?

– Да, – кивнул Смотрящий. – Он назвался... – собеседник наморщил черный лоб, то ли вспоминая, то ли пытаясь выговорить незнакомое слово. – В общем он ин... инк...

– Инка? – еще больше удивился Пуля-Стрела.

Возродившееся на юге племя инков ему было хорошо известно, но ведь инки не носили черных крестов и рубашек из стальных колец и не прятали головы в железные горшки. Да и откуда взяться инкам в Саргассах? Они туда сроду не заплывали.

– Нет, не инка, – Смотрящей тряхнул стриженной кучерявой головой. Выговорил наконец: – Инк-ви-зи-тор.

– Странное племя, – пробормотал Пуля-Стрела.

Он о таком не слышал.

– Странное, – согласился Смотрящий.

– Наш Тотем его принял? Его признал Маниту?

– Нет, – вздохнул Смотрящий. – Человек-с-Крестами принадлежит чужому Тотему и подчиняется чужому Маниту.

Все-таки чужак. Гром-птица принесла инородца.

– Какой у него Тотем? – задал Пуля-Стрела следующий вопрос.

На этот раз ответ оказался ожидаемым.

– Черный Крест, – скривился Смотрящий. – Если я правильно понял то, что услышал, он подчиняется Черному Кресту, который намалеван на его доспехах.

– Но как Человек-с-Крестами очутился в Саргассах?

– Говорит, что приплыл... – Смотрящий сделал паузу, выдававшую сильное волнение, шумно сглотнул и лишь после этого закончил: – ...приплыл с востока.

– Что?! – не поверил собственным ушам Пуля-Стрела. – Это ведь мы плывем на восток.

– А он плыл к нам – на запад.

– Зачем?

Широкие плечи чернокожего гиганта поднялись и опустились.

– Я думаю, он разведчик. И, сдается мне, вождь и шаман думают так же.

– Чей разведчик?

– Не прикидывайся глупцом. Он служит Тотему-Кресту. Значит, ведет разведку для него. Возможно, хочет проложить дорогу Людям Креста, которые отправятся в наши земли следом за ним.

– Откуда отправятся? – не понял Пуля-Стрела.

– Из Европы, – тихо сказал Смотрящий. – Человек-с-Крестами говорит, что плывет из Европы.

– Европа?! – поразился Пуля-Стрела. – Это же на другом конце Атлантики! Как он доплыл?

– На большом каноэ. Не таком большом, конечно, как наш птиценосец, но Человек-с-Крестами сказал, что он и его люди плыли на корабле.

– Так он был не один?

– Людей Креста было много, но они погибли. Гром-Птица схватила лишь того, кто отдавал приказы.

Пуля-Стрела задумался.

– У них были тягловые киты или хотя бы черепахи? – спросил он. – Или боевые акулы?

– Нет. Они шли под парусами без сопровождения и сами отбивались от диких морских демонов.

– Безумцы! – покачал головой Пуля-Стрела. – Неужели они доверились павахтунам – повелителям ветров?

– Видимо, так, – пожал плечами Смотрящий. – Их гнал павахтун восточного ветра Шипе-Тотек.

– Красный Тескатлипок? – Пуля-Стрела назвал второе имя повелителя восточного ветра. – Наверное, он был благосклонен к ним, если Люди Креста доплыли так далеко.

– Я бы не стал называть это благосклонностью, – усмехнулся Смотрящий. На черном лице блеснули белые зубы. – Восточный ветер загнал их в Саргассы. А оттуда без тягловых китов не выбраться. И без подводной охраны там не выжить.

Все верно. Без хорошей морской упряжки и прирученных боевых мутантов в Саргассы лучше не соваться. Еще в Золотые Времена атлантические течения образовали там Море-в-океане, заросшее бурными водорослями. А после того как взбесившиеся с жиру, забывшие о богах и наказанные за это безумием люди вырыли топор войны и начали швыряться друг в друга атомными томагавками, огненными стрелами и ядовитыми копьями-ракетами, Саргассово море и вовсе превратилось в гиблое место. Вся гадость, что попала в Атлантику во время Великой Войны, сносила подводными течениями туда же, в Саргассы. Среди военного мусора, радиоактивной мерзости и ядовитой дряни, на дне, в воде и на ее поверхности, зарождалась новая – уже живая гадость, расплывавшаяся по всему океану.

Саргассы ширились, разрастались, становились губительной ловушкой для больших и малых судов, которые намертво застревают в водорослях, а мореходов топили и пожирали ненасытные обитатели плавучих лугов и островов.

Тот, кто знал это, огибал Море-в-океане дальней дорогой, ну а кто не знал...

Видимо, Люди Креста не знали.

– Как думаешь, что будет с пленником? – спросил Пуля-Стрела.

– Сначала из него попытаются вытянуть хоть какую-то информацию. Это важно. Возможно, нам предстоит сражаться с Людью Креста.

Что ж, возможно, очень возможно... Люди Креста служат чужому Тотему. Значит, они – потенциальные враги.

– А что потом?

– Потом его принесут в жертву. А что еще можно сделать с человеком, который находится под властью чужого Маниту? Нашему Тотему он не нужен. Для племени – бесполезен и даже опасен. А жертва лишней не будет.

– Ты говоришь так уверенно, – с сомнением произнес Пуля-Стрела.

– Потому что я знаю, о чем говорю, – твердо сказал Смотрящий. – Мореплавателей с Востока уже отлавливали раньше. Правда, их брали в плен воины других племен. И всякий раз их приносили в жертву, потому что ни на что другое они не годились.

– Отлавливали? – нахмурился Пуля-Стрела. – Мне об этом неизвестно.

– Ты стрелок. А я служу в разведке и общаюсь с другими разведчиками. Люди Креста уже попадались нам, поверь мне. Скажу больше: я подозреваю, что именно их появление сподвигло Тотемы на этот морской поход.

– Брось, – поморщился Пуля-Стрела. – Вспомни, сколько времени Тотемы шлют на восток прирученных тварей. Подумай, как долго уже их посланцы разведывают новые берега. Мы давно собирались плыть через океан. Люди Креста тут не при чем.

– Нет, – Смотрящий покачал головой. – Это не так. Пока Люди Креста не заплывали в Атлантику, Тотемы гнали на восток только морских мутантов. Но как только появились первые чужаки из восточных земель, мы начали готовить корабли.

Глава 6

Внешние караулы, выставляемые на ночь по периметру лагеря, в роте называли стражей смертников. У Виктора вообще сложилось убеждение, будто они нужны главным образом для того, чтобы предупреждать об опасности своими предсмертными воплями. Именно поэтому, наверное, в каждую караульную группу отправлялось не меньше полудюжины бойцов. Втихую загрызть всех и сразу не в состоянии даже самая свирепая тварь: хотя бы один часовой да успеет заорать и поднять тревогу.

Во второй линии лагерной стражи дежурили стрелки, патрули и вспомогательные мобильные группы, которым надлежало незамедлительно реагировать на сигналы внешних постов, но они не всегда успевали на помощь. Как правило, не успевали, если быть точнее.

Через караульную службу рано или поздно проходили все ландскнехты. Если ночная смена проходила спокойно, это считалось большой удачей, а если кто-то погибал... Что ж, на то она и стража смертников. Зато спать на таких дежурствах не мог никто, даже после тяжелых дневных переходов.

Они тоже не спали.

Виктор прошелся по посту туда-сюда. Осмотрелся. В который уже раз.

За спиной расположился лагерь. Плотно поставленные шатры и палатки, притушенные костры, тишина, спокойствие. В центре – в самом безопасном, кстати, месте – ночевали рыцари-крестоносцы. Под прикрытием автоповозочных пулеметов, со своей собственной охраной.

Возможно, кому-то ландскнехтский лагерь, окруженный повозками, тяжелыми щитами, рогатками, кольями и вкопанными в землю пиками, мог показаться неприступной крепостью. Но на самом деле неприступность эта была весьма условной. Если среди ночи вдруг попрут мутанты, их не остановят ни повозки, ни частокол. Только люди могут дать отпор котловым тварям, да и то не факт.

Тут вся надежда была на внешние караулы смертников, на патрули, прохаживающиеся вдоль лагерной границы, и на стрелков с самопалами и ручницами, расставленных за повозками. Но главным образом – все-таки на караулы.

Они были как сторожевые башни в крепости. Караулы выступали из общей линии обороны и, отгородившись кольями, пиками, щитами и кострами, первыми должны были заметить угрозу. Или первыми принять удар.

Если часовые вовремя поднимут тревогу – рекруты Святой Инквизиции успеют выскочить из палаток, занять позиции на главной линии обороны, выстроить плотные шеренги в уязвимых местах и, возможно, даже помочь страже смертников. Но чтобы вовремя поднять тревогу и не быть при этом съеденным, нужно вовремя заметить опасность.

Виктор с тоской покосился на двух щитоносцев, приданных в усиление. Молодые мало-знакомые парни. Один чернявый, другой белобрысый. Напряженные и настороженные, они сидели у поставленных на распорки щитов и не убирали ладоней с рукоятей мечей. Впереди – за щитами, кольями и пиками, полукругом обозначившими позицию караула, – потрескивал огонь. Ветки камень-дерева – хорошее топливо. Горят ярко, жарко, долго, не хуже угля. Небольшого запаса таких дров хватит на всю ночь.

Пламя освещало ближайшие подступы, заросшие невысокой, но густой, словно кроновый мох, травой. А вот за пределами освещенного пространства ночь становилась непроглядно черной.

Щитоносцы, обязанностью которых являлоськрытие стрелков, напряженно вглядывались во тьму. Ага, высмотрят они там что-нибудь, как же! Виктор мысленно сокрушался. Толку от этих двоих было мало, а сколько помех они создавали! Не будь их здесь – Костяника

могла бы поднять забрало и спокойно «прощупывать» местность своими глазами-локаторами. Так ведь не поднимешь при чужих, не покажешь нечеловеческие красные глаза. Вот и приходится дежурить почти вслепую. Как все.

Да уж, Кошкодер, удружил, блин! Виктор всячески старался отбрыкаться от «помощников»-щитоносцев, но капитан был непреклонен: по неписанным правилам ночевки в Котлах, в каждом внешнем карауле должны дежурить не меньше шести человек, а лучше – семь.

Угрюмый Костоправ был непривычно молчалив и привычно раздражителен. Задумчиво покачивая гирьку кистеня, лекарь нет-нет, да и поглядывал на прикрытые касками затылки щитоносцев. Каски – ерунда. Даже самый прочный шлем – плохая защита от рассерженного Костоправа. А лекарь сейчас о-о-очень сердит.

Нетрудно было понять, с каким соблазном он боролся. Всего два удара: тук, тук – и проблема решена. Костяника может поднимать забрало и безбоязненно высматривать тварей в темноте. Но, увы, такая идиллия продлится лишь до первого патруля или до новой смены. Вряд ли удастся придумать правдоподобную легенду, объясняющую, почему во время дежурства пришлось вырубить этих двоих. Да и шум может подняться. Все не слава богу, в общем...

* * *

– Эй, там, в карауле! – послышалось из-за ближайших повозок.

Виктор резко обернулся. Дернулись остальные. Когда дежуришь ночью в Котле, и нервы на пределе, станешь тут дерганным...

– Свои! Не стреляйте!

Предупреждение вообще-то не лишнее. Уже случалось, что перебившие караульные с перепугу стреляли в собственных сменщиков или в проверяющих.

Кстати, кто это? Для смены еще рановато. Значит, проверка.

– Пароль? – потребовал, как положено, Виктор, чувствуя себя полнейшим идиотом.

– А-ка семьдесят четыре, – донеслось из-за повозок.

Виктор заметил, как поморщился Костоправ. Ну да, дурацкие правила: мутант все равно не сможет прикинуться человеком и расхаживать по лагерю, так к чему такие сложности с паролями? Или все-таки сможет? Иначе бы подобные правила не появились... Или просто никто толком не знает, что мутанты могут и чего не могут, а перестраховка никогда не помешает.

– Отзыв? – в свою очередь запросили проверяющие.

– Иголожоп, мля! – раздраженно буркнул Костоправ.

– Игонос! – быстро исправил Виктор, показав лекарю кулак.

Мало ли... За неверный отзыв тоже могут с перепугу садануть стрелой или самопальной картечью. Ночь в Котле – не самое подходящее время для таких шуточек и злых подколов.

– Караул, проверка! – этот голос Виктор узнал: Кошкодер. – Иду к вам!

– Старший ко мне, остальные на месте! – Виктор вновь следовал ландскнехтским правилам несения караульной службы. – Лицо осветить!

Патрули за повозками ходили без факелов, чтобы лишний раз себя не обнаруживать. Огни на линии обороны разрешалось разводить только снаружи, перед позициями караулов.

Щелкнула старенькая зажигалка. Слабенький огонек подсветил лицо с черной повязкой через левый глаз.

Ну да, ландскнехтов возглавлял Кошкодер. Следовало отдать капитану должное: тот лично проверял опасные караульные посты. Впрочем, оно тоже понятно: не уследишь ночью за подчиненными – сам можешь не дожить до утра.

Кошкодер прошел по коридорчику, прикрытому с двух сторон кольями и пиками и соединяющему позицию караула с оборонительной линией лагеря. Потом махнул своим спутникам:

– Топайте дальше, я тут пока осмотрюсь.

Патруль удалился.

– Ну, как оно? – капитан скользнул взглядом по напряженным лицам караульных.

– Как говно, – быстро, хмуро и без особого энтузиазма отозвался за всех Костоправ.

– Тихо пока, – Виктор поспешил перехватить инициативу у скорого на язык лекаря. Когда, блин, не надо – скорого.

– Ну, раз тихо, я с вами посижу немного, – капитан пристально всматривался своим единственным глазом в темноту за костром.

Костоправ выразительно вздохнул и еще выразительнее скривил рожу. М-да, только начальства им сейчас здесь не хватало. Кошкодер, к счастью, не заметил недовольства лекаря. Или заметил, но не счел нужным акцентировать на этом внимание.

– Инквизиторы говорят, здесь не очень спокойное место, – проговорил он.

«Спасибо, обрадовал, – подумал Виктор. – Скорей бы смена заканчивалась».

– Оттуда, со стороны леса, к тракту всякое забредает, – продолжал капитан, указывая куда-то в темень, за костром, где не то что дальнего леса – ближнего оврага видно не было. – А ваш караул как раз напротив этого лесочка дежурит.

Ага, теперь понятно, почему Кошкодер лично проверяет посты и почему вдруг решил задержаться у них. Переживает, типа, волнуется...

– А что ж Инквизиторы сами лагерь не сторожат, если тут так опасно? – подал голос Василь.

– Почему не сторожат? Сторожат, – без особого веселья, а скорее со злостью усмехнулся Кошкодер. – Только они себя любимых сторожат главным образом. Вокруг своих шатров крестоносцы выставили двойную охрану. И пулеметчики у них на автоповозках дежурят.

– Вот, мля, единоличники долбанные! – снова не удержался Костоправ. – Они, суки, вообще тут с какого боку? Как мутанты нам звездюлей вешают – че-то черных крестов не видно и не слышно. Охрана лагеря – тоже без них, ёперный урод! Мы, ядрен-батон, жопу рвать за Инквизиторов не нанимались!

– Нанимались, – напомнил Кошкодер. – Вы вообще-то наемники.

Костоправ заткнулся, но ненадолго.

– Не, я все понимаю, конечно, но раз уж эти болваны железноголовые в курсе, что тут такой стремный лес, нахрена тогда нас в караул ставить? Подогнали бы сюда автоповозочку с пулеметом – и самим спокойнее спалось бы, и мы бы целее были. Или у них очко играет? Зассали, что ли? Так раньше вроде за ними такого не водилось. Шныряли по Котлам, давали тварям по мордасам, яйцами звенели – оглохнуть можно. Крутые все из себя такие были, а тут, мля, как будто подменили их.

– Точно-точно! – охотно поддержала лекаря Змейка. – Сколько идем по Котлу – хоть бы раз крестоносцы нас прикрыли. Так ни фиги! Помните те жралки на шеях? Или кто они там? Хоботы с пастями... Пока мы от них отмахивались и людей теряли, Инквизиторы стояли себе в сторонке и смотрели. Даже, блин, из арбалета не выстрелили. А когда иглонос напал?! У нас семь трупов, а они вообще не почесались. Могли хотя бы подойти, поинтересоваться, в чем дело!

Видно было, что за время похода накопилось у всех. И хотя щитоносцы и Костяника предпочли промолчать, они тоже явно ждали ответа.

Капитан молчал, криво улыбаясь.

* * *

– Кошкодер, а правда, почему так получается? – Виктор сам давно хотел прояснить этот вопрос, и сейчас время было вполне подходящим. Раз уж Кошкодер заявился на их пост, пусть

теперь не соскакивает. – Почему Инквизиторы не участвуют в стычках с мутантами? Почему в бой рыцари вступают, только если уже нельзя не отбиваться, чтобы самим не подохнуть? Почему не участвуют в охране лагеря? Почему все время прячутся за нашими спинами? Они же и вооружены лучше, и с тварями драться обучены.

– Они – да, – многозначительно кивнул как-то совсем уж нехорошо улыбающийся Кошкодер. – Обучены.

И снова замолчал.

– Ну, так и че? – не понял Костоправ.

А вот Виктор, кажется, начал кое-что понимать. И то, что он понимал, ему очень не нравилось.

– Какого хрена они себя так паскудно ведут? – не унимался лекарь. – Чего эти падлы хотят?

– Чего хотят? – одноглазый капитан все еще криво улыбался, а слова произносил какие-то вовсе неулыбчивые. – Ответ лежит на поверхности. Если поднапрячь мозги – догадаться нетрудно.

– Какой, мать его, ответ? Какая, мать ее, поверхность? Покормить нами котловых тварей крестоносцы решили, что ли? Вот что я вижу на этой гребаной поверхности! Покормить мутантиков и вообще остаться без солдат? Так они, что ли, хотят? Жрачку с собой, типа привели, чтобы самим через Котел проскочить на чужом горбу? Офигительный план! Мы уже половину народу потеряли, и че? Этим крестовым ребятам хоть бы хны, едрить-кадрить! Но какого лешего тогда, спрашивается, они с нами так долго возились и обучали? Загнали бы просто в Котел, как баранов – и дело с концом. А? Мля?

Костоправ уставился на капитана тяжелым, как туша мертвого мастодонта, взглядом.

Повисла пауза. Весь караул ждал ответа.

– Вас обучали для того, чтобы хотя бы кто-нибудь смог пройти через Котел, – невозможно заговорил Кошкодер. Его единственный глаз смотрел на затухающий костер за щитами и кольями. – А вы как думали? Что на кораблях Ордена всем найдется место? Ни хрена! За океан поплывут только лучшие. Те, кто выживет в Котле. Естественный отбор, короче. По заказу Святой Инквизиции.

Вот как? Что ж, теперь понятно, почему попасть в ландскнехты было так просто. Крестоносцы гребли всех подряд, с расчетом на то, что в Котле уцелеют лишь стоящие бойцы, а остальные – мясо и балласт, который отсеется сам собой.

– Это тебе Инквизиторы рассказали? – хмуро осведомился Виктор.

– Нет, конечно, – фыркнул капитан. – О таких вещах крестоносцы ландскнехтам не говорят. Но я же говорю: очевидные вещи лежат на поверхности. Сообразительные давно уже все просекли.

– И че, мля? – пробасил Костоправ.

– А ниче, мля, – передразнил его Кошкодер. – Тем, кто выберется из Котла живым, потом добычи больше достанется. Я вот собираюсь выжить, а вы как?

– Да мы вообще-то тоже умирать пока не торопимся, – вздохнул Василь.

– Нахер надо – умирать-то! – потрянул головой Костоправ. – Не надо нам умирать, етить! Обойдемся как-нибудь.

– Тогда дровишек в костер подбросьте, – посоветовал капитан. – А то потухнет скоро. И хватит на меня пялиться! В другую сторону смотрите. И смотрите в оба. Может, тогда и переживете эту ночь.

Действительно, от камень-дерева в костре остались угли, почти не дававшие света. Кому-то надо было взять несколько поленьев, выйти из-за щитов, кольев и пик и кинуть дрова в огонь.

Эту неприятную обязанность они выполняли по очереди. Сейчас была очередь Костяники, но Виктор остановил девушку.

– Останься, – велел он. – Я сам. Прикройте.

Костяника и Змейка с заряженными арбалетами высунулись из-за щитов. Щитonosцы вынули мечи из ножен. Костоправ отложил кистень и взялся за пику. Василь тоже направил наконечник пятиметровой дуры в сторону костра. Длиннодревковым оружием прикрывать сейчас проще.

Виктор подошел к дровяной куче.

Топливо для ночевки собирала в пути обозная охрана, а караулы получали его в первую очередь и в необходимом количестве.

Дрова лежали между установленными в распорках высокими – почти в рост человека – щитами. В случае нападения мутантов эту кучу можно было поджечь и прикрыться огнем. Все продумано: снизу – слой растопки из сухого кронового мха и хворост. Сверху – ветки камень-дерева, валежник, срубленные сучья, поленья. В сторонке – у притоптанной травы – валялась какая-то коряга размером с малую бомбарду. Странно, вроде бы раньше ее здесь не было. Виктор, во всяком случае, не помнил. Может, кто-то положил, пока он не видел. Или деревяшка вывалилась из кучи?

Большая, корявая. Похожа на вывороченный пенек. Гореть, наверное, будет долго. Ладно, чего добру зря пропадать? Виктор шагнул через дровяной развал к коряге.

– Всем стоять! – вдруг тихо, но очень отчетливо произнес Кошкодер. – Не двигаться!

Что-то в голосе капитана заставило Виктора остановиться и замереть.

– В чем дело? – Змейка пристально всматривалась в темноту, не убирая пальцев со спусковой скобы арбалета.

Костяника тоже прикинула к самострелу, однако и она не знала, куда смотреть и в кого стрелять: зорким красным глазкам мешало пластиковое забрало.

Костоправ и Василь водили пиками туда-сюда, ожидая нападения и не понимая, откуда оно может последовать. Щитonosцы настороженно зыркали по сторонам.

– Золотой, уходи оттуда, – почти шепотом приказал Кошкодер. – Только медленно.

Виктор, не глядя, шагнул назад. Под ногой осыпалась дровяная куча.

Коряга, к которой он только что протягивал руку, шевельнулась.

Глава 7

То, что прикидывалось корягой, на самом деле оказалось живым существом. Когда и откуда оно здесь появилось? Наверное, выползло из травы, пока Кошкодер просвещал их насчет крестоносцев, а они смотрели ему в рот, вместо того чтобы следить за подступами к лагерю.

Невысокая, неприметная тварюшка могла незаметно передвигаться в темноте и прикинуться куском дерева на свету. Впрочем, сейчас она уже не притворялась деревяшкой. Торчавшие в разные стороны «сучья» и «корни» повернулись на шум и раскрылись на концах маленькими кратерами.

Виктор растерянно оглянулся. Ему показалось, или свидетелем удивительной метаморфозы стал только он один. Караульные смотрели и направляли оружие куда угодно, но только не на ожившую «корягу». Караульные – да, а вот Кошкодер, распознавший опасность, уже действовал. Быстро, решительно. Правильно.

Вырвав из распорок щит белобрысого щитоносца и подхватив торчавшую из земли пикку, он бросился к Виктору через дровяную кучу.

Часть полых, увенчанных кратерами «сучьев» дернулись в его сторону, но капитан успел прикрыться щитом сам и заслонить Виктора. А в следующее мгновение...

Пш-ш-ших! Пш-ш-ших! Пш-ш-ших! – из «сучьев» «коряги» брызнуло что-то темное и тягучее. Тугие струи попали на щит Кошкодера и заляпали дровяную кучу.

Капитан ударил пикой. Благодаря длинному древку ему удалось достать мутанта с относительно безопасного расстояния... Наконечник вошел в один из больших кратеров и пронзил неведомую тварь насквозь. Однако этого, по всей видимости, было недостаточно. «Коряга» извивалась на пике, как рыба на остроге, и продолжала отчаянно брызгаться.

– Да стреляйте же, мать вашу! – выкрикнул Кошкодер, прикрываясь щитом.

Щелкнули арбалеты. Две стрелы, выпущенные Змейкой и Костяникой, пригвоздили мутанта к земле. Ненадолго, впрочем: странное существо, опершись на нижние «сучья», как на ноги, выдернуло наконечники стрел из дерна и снова забилося на пике, разбрызгивая вокруг что-то вязкое и липкое.

«Надо было брать стрелу с шипом иглоноса», – подумал Виктор.

Тварь оказалась необычайно живучей и отнюдь не безобидной: дрова, на которые попала выплеснутая ею жидкость, начинали слабо дымиться, словно облитые кислотой. Кору прожигало сразу. Плотная древесина поддавалась медленнее, но едкая субстанция оставляла глубокие, похожие на язвы следы даже на камень-дереве.

Щит Кошкодера тоже дымился.

А если эта гадость попадет на кожу?!

Одному уже попало: белобрысый рекрут, щит которого схватил Кошкодер, не сумел увернуться от очередной струи. Вязкий плевок угодил бедняге куда-то под подбородок. Ни ворот кожаной куртки, ни застегнутая на горле кольчужная бармица не помогли. Наемник коротко вскрикнул, захрипел, схватился за горло руками и тут же их отдернул. Видно было, как ему разъедает перчатки и пальцы. По нагруднику заструилась густая дымящаяся кровь, и ландскнехт упал. Пока лишь он один. Пока...

И ведь никак не подступиться к проклятой твари: из мутанта брызгало во все стороны, как из изрешеченного бурдюка. Если бы не щит и длинная пика, Кошкодер ничего не смог бы сделать. Впрочем, в щите уже появились прожженные дыры, а забрызганное едкой жижей древко пикки дымилось и истончалось буквально на глазах.

Капитан шагнул к костру. Едва успел: пика переломилась у самого наконечника. Корягоподобный мутант упал на раскаленные угли и забился в конвульсиях, шипя и брызжа то ли слюной, то ли кровью.

Кошкодер поспешно отступил назад, сбросив с руки дырявый щит. Виктор тоже не стал долго размышлять. Они укрылись за дровяной кучей.

В костре что-то хлопнуло. Разлетелись в стороны угли, бесцветная слизь и темно-зеленая жгучая жижа. К счастью, на этот раз ни в кого не попало.

Выглянув из укрытия, Виктор увидел в огне разорванную тварь с вывернутыми наружу потрохами. Лопнула, зараза! И горела она теперь, кстати, не хуже камень-дерева. Только дым шел жуть какой вонючий.

Ну, вот и подбросили дровишек...

* * *

– Спасибо, что выручил, – поблагодарил Виктор Кошкодера.

– Я не тебя выручал, – спокойно отозвался тот. И пояснил: – Такая тварюга могла всех нас заплевать по самое горло.

Виктор обернулся. Одного, вон, заплевала. И именно что по горло. Костоправ молча осматривал белобрысого беднягу-щитоносца, попавшего под опасный «плевок». Парень затих и уже не шевелился.

Перехватив взгляд Виктора, Костоправ качнул головой. Ясно, еще один труп. Впрочем, тут и без лекарского осмотра все понятно: у покойника разъело всю шею. Голова, считай, только на кольчужной бармице и держится. Что ж, еще один способ обезглавливания. По-Котловски...

Вытравленный металл еще дымился, кольчужные звенья спеклись с остатками кожного панциря и развороченной глотки. Василь сокрушенно вздохнул. Змейка и Костяника перезаряжали арбалеты. Все подавленно молчали.

– Что это было? – прохрипела из-под опущенного забрала Костяника. Случившееся потрясло даже ее, привычную к Котловым опасностям и диковинкам. – Кто это был?

Кошкодер как-то странно посмотрел на девушку и ничего не ответил.

– Караул, что у вас? – послышалось из-за повозок оборонительной линии: шум схватки привлек внимание ближайшего патруля.

– Нападение, – отозвался Кошкодер. И добавил: – Отбились. Тревогу пока поднимать не нужно, но далеко не уходите.

Капитан окликнул чернявого щитоносца, который в шоке смотрел на погибшего соратника и, похоже, плохо соображал. Ландскнехт растерянно и непонимающе уставился на командира.

– Пойди сменись, – велел Кошкодер.

Повторять дважды не пришлось. Наверное, чернявый никогда еще с такой скоростью не покидал пост.

– А мы че, рыжие, мля? – сварливо осведомился Костоправ. – Нам, типа, меняться не нужно.

– А к вам у меня есть разговор, – капитан обвел оставшихся караульных долгим пристальным взглядом. Единственный глаз Кошкодера задержался на Костянике.

– О чем разговор? – подобрался Виктор.

Тон Кошкодера ему не понравился. Ни тон, ни этот взгляд.

– Не о чем, а о ком. Сначала – об этом, – капитан указал на костер, в котором догорали останки живой «коряги».

– Ну, и что это за гребаное уродище? – поморщился Костоправ.

– Местное травоядное, – недобро улыбнулся капитан. – Ты, кажется, сокрушался, что хищников вокруг много. Ну, вот тебе и не хищник.

– Не хищник?! – возмутился лекарь. – Гонишь, епть!

– Ни разу. Травкой-муравкой тварюшка питается. Исключительно ею. Правда, выбирает такую травяную смесь, что потом слюной металл прожигать может. Да вы сами все видели.

Кошкодер кивнул на мертвого щитоносца.

– Но если эта зараза на нас не охотилась, зачем она сюда приползла? – заговорил Василь.

– Погреться, – ответил Кошкодер. – Тепло любит.

– А брызгался мутант зачем? – не унимался помор.

– Пугливый потому что, – вздохнул Кошкодер. – Если чего боится – сразу начинает плевать. И плюется до тех пор, пока всех, кто рядом, не заплюет. Это у него защитная реакция такая. Каждый выживает в Котле как может. Но речь не о том.

Виктор слушал молча, не понимая еще, к чему клонит Кошкодер. О чем речь-то?

– Любопытное существо, правда? – вновь заговорил капитан. – Не часто такое встретишь. Вы, наверное, и не видели ничего подобного раньше? Даже, вон, не сообразили сразу, что к чему, а?

– Не-а, мля, не видели, – признался за всех Костоправ. – И впредь глаза бы на него не смотрели, сучок ползучий, мать его корягу враскоряку!

– А ведь должны были видеть, – с упреком заметил капитан. – И узнать должны были бы, если видели.

– Тебе же русским языком сказали, что мы его не... – начала было Змейка.

– Это плевалыщик, – перебил Кошкодер. Его взгляд снова скользнул по лицам подчиненных будто бритва.

И опять остановился на закрытом забралом лице Костяники.

* * *

Вот оно что! Вот в чем дело! Виктор похолодел. Подловил их капитан! А ведь могли бы догадаться. А догадались бы – так вели бы себя умнее.

– Мать-перемать! – тихо простонал Костоправ. До лекаря тоже дошло. Да и до остальных. Доходило...

– Пе-ре-мать, – с чувством повторил Костоправ.

– Вот и я о том же, – кивнул Кошкодер. И перешел на другой тон – сухой, холодный, резкий. – Вы сказали, ваша подруга, – короткий кивок в сторону Костяники, – прячет глаза потому, что попала под слюну плевалыщика и с тех пор не переносит света. Такое, в принципе, возможно. У молодого плевалыщика слюна не очень едкая. Она может повредить глаза, не ослепляя человека совсем и не разъедая ему кожу на лице. Но молодой плевалыщик выглядит в точности так же, как и взрослый, только поменьше.

А ведь ни она, – еще один кивок на Костянику, – ни кто-нибудь из вас не опознал эту тварь. Что очень странно. Тот, кто однажды увидел плевалыщика, его уже не забудет. Тем более тот, кто попал под его слюну.

Что делать? Виктор мучительно соображал. Завалить капитана прямо сейчас, пока не поздно? Щитоносцев-то рядом уже нет. Ну, завалим, а что потом? Куда потом? Как?

Да и патруль, вон, за повозками ошивается. Заметят ведь заварушку. Не зря, ох, не зря Кошкодер велел патрульным оставаться поблизости. Перестраховался, гад. Но ведь и щитоносца он, наверное, тоже отправил из караула не случайно. Хочет сначала без свидетелей выяснить, в чем дело, а не устраивать прессуху сразу? Что ж, если так, то это – плюсик капитану. Небольшой, но все же плюсик.

Костоправ отложил пику и потянулся к кистеню. Василь поглаживал рукоять меча. Змейка и Костяника не выпускали из рук заряженных арбалетов. Но Кошкодер, казалось, всего этого не замечал. Понимает, небось, что нападать сейчас на него не станут. Хотя сам Виктор на месте капитана не был бы так уж в этом уверен. То ли просто рискованный парень этот Кошкодер, то ли хорошо разбирается в людях и знает, когда можно позволить себе риск без ущерба для жизни и здоровья.

Капитан шагнул к Костянике.

– Вы мне лгали, – вновь заговорил он. – Все. Не в плевалышке дело, так?

Кошкодер смотрел в опущенное забрало Костяники и, похоже, обращался сейчас только к ней одной. Девушка судорожно сжимала арбалет. В исцарапанном тонированном пластике отражался свет костра. За забралом старого шлема не было видно лица. Казалось, за ним вообще ничего нет. Только темнота. Но единственный глаз капитана все равно пытливо вглядывался в эту темноту.

– А если дело не в плевалышке, тогда в чем? Или в ком? Почему ты прячешь глаза?

Да, Кошкодер говорил с Костяником и ждал ответа от нее. Костяника не отвечала. Молчали остальные. Их всех сковало странное оцепенение. Виктор старался придумать хоть какое-нибудь правдоподобное объяснение и не мог.

Кошкодер выяснил все сам. Он сделал все неожиданно и очень-очень быстро. Так быстро, как рубят врага в бою. Одна рука капитана вдруг резко поднялась и откинула пластиковое забрало, в то время как другая щелкнула перед лицом Костяники зажигалкой.

* * *

Виктор бросился к Кошкодеру. Дернулись Василь и Костоправ. Подняла арбалет Змейка. Поздно! Помешать капитану они не смогли. Прежде чем кто-нибудь успел что-либо сделать, Кошкодер заглянул в шлем.

Костяника отпрянула назад, зажмурилась, прикрыла глаза ладонью, но капитан уже увидел то, чего видеть ему не следовало.

Может, он и не разобрал в свете костра и зажигалки, какого цвета у Костяники глаза, но наверняка понял, что в них нет зрачков. Для того чтобы отличить человеческие глаза от нечеловеческих не нужно много света.

– Та-а-ак, – недобро протянул Кошкодер. – Мутантка в наших рядах?

Костяника открыла глаза и посмотрела на капитана. Жмуриться и закрываться ладошкой больше не имело смысла.

Капитан смотрел на нее.

Костоправ тихонько матерился вслух. Виктор ругался про себя. Проклятье! Вот все и открылось. Глупо-то как вышло. А ведь он обещал своим спутникам, что никто не узнает тайну Костяники. Увы, не все обещания, данные в этой жизни, удается выполнить. Капитан русской роты славянского полка ландскнехтов Святой Инквизиции узнал. И если информация о затесавшейся среди инквизиторских наемников мутантке дойдет до крестоносцев... Нет, такая информация до них дойти не должна!

Виктор потянул из ножен меч. Костоправ качнул кистенем. Змейка держала арбалет у бедра. Такая нехарактерная для стрелка поза вряд ли привлечет внимание патрульных, даже если они сейчас наблюдают за ними. Но при этом оружие Стрелец-бабы было направлено на капитана.

А вот Костяника подняла свой арбалет, явно не думая о патрульных. Виктор машинально отметил, что на ложе ее самострела теперь лежит стрела с шипом иглоноса. И защитный моховый комок с ядовитого червя уже снят.

Однако даже это не испугало Кошкодера.

– Если убьете своего капитана, вы – дураки и покойники, – глухо произнес он.

– Сам кретин, мля, – буркнул Костоправ. Лекарь не знал, как поступить, он был растерян и от того – особенно зол.

– Отойди, Кошкодер, – тихо сказала Костяника.

Только теперь Виктор сообразил, что смотрит-то она вовсе не на капитана, а куда-то ему за спину, за костер. И целится туда же – в темноту за освещенным пространством.

– Что? – не понял Кошкодер.

– Отойди, – повторила Костяника, не опуская арбалета. – Там кто-то есть. Двое. Крадутся к нам.

Заминка на долю секунды. Видимо, капитан гадал: верить или нет, но потом все же рассудил, что пристрелить его могли бы сразу и без лишних слов. Если бы захотели.

Кошкодер шагнул в сторону, вытащил меч. Оглянулся. Раздраженно фыркнул:

– Никого нет!

– Есть, – стояла на своем Костяника.

Огонь освещал подступы к позициям караула, но что происходит по ту сторону костра – в невысокой траве и густом ночном мраке, человеческий глаз различить не мог. Человеческий – нет, а вот глаз мутантки – запросто. Костяника водила арбалетом вправо-влево: вероятно, от одной цели к другой.

Змейка нацелила свой самострел на костер. Костоправ поднял кистень, Виктор направил в сторону невидимой еще опасности короткий ландскнехтский меч. Василь поудобнее перехватил длинную пику.

Кажется, их реакция насторожила Кошкодера больше, чем слова Костяники.

– Я ничего не вижу, – озадаченно пробормотал капитан.

– Я вижу, – ответила Костяника. – Теперь – вижу.

Кошкодер повернулся к Виктору:

– Что она несет?

– Она видит, – сказал он. – Просто поверь. У нее глаза такие. Когда ее глаза ничем не закрыты, она может видеть тварей там, где их не видим мы.

– Видеть в темноте?

– В темноте, в засаде, в траве, в ветвях, в кроновом мху, за деревьями, – быстро ответил Виктор. – Даже под водой.

– Чушь! – не очень уверенно произнес капитан.

– Берегись! – предупредила Костяника.

«Чушь» материализовалась из темноты. Словно выплюнутая мраком, выскочила из травы за костром. Двойной черной тенью перелетела через огонь...

Невероятный, немислимый прыжок! Ни одно известное Виктору существо не смогло бы в один скачок преодолеть такое расстояние.

А это – смогло. Вернее, эти. Тварей действительно оказалось две.

Больше всего они походили на черных кошек – не очень больших, меньше волкопса, но очень шустрых и прыгучих.

* * *

Арбалеты Змейки и Костяники щелкнули почти одновременно. Кто-то попал, кто-то – промазал. Вероятно, попала Костяника, лучше различавшая цель в неверной игре света и тени. Мутант, сбитый в прыжке стрелой с ядовитым червем-шипоносцем, рухнул в дровяную кучу. Однако вторая тварь сумела увернуться и от арбалетного болта, и от пики Василя. Прошмыгнула под кистнем Костоправа, уклонилась от меча Виктора...

Зато Кошкодер в полной мере оправдал свое прозвище.

Удар. Кровь. Шипение и злой разъяренный «мяв!». Раненую тварь отбросило в сторону, но та изогнулась всем телом и приземлилась на четыре лапы.

А вот отпрыгнуть снова не успела.

Короткий клинок в руке Кошкодера настиг ее во второй раз.

Еще удар. Брызги крови. Пронзительное мяуканье. Взмах когтистой лапы, выдравший клок кольчуги, но не доставший до тела капитана.

И еще один – добивающий, сваливший, наконец, черного кошака на землю.

Однако это был еще не конец. Кошкодер заработал мечом быстро и сильно, действительно, буквально раздирая на части мяукающее, хрипящее, бьющееся на земле тело мутанта.

Говорят, у обычной кошки девять жизней. Может быть, так оно и есть. Но у котловой их, наверное, все девяносто девять: настолько живучей оказалась тварь. Виктор, Василь и Костоправ присоединились к Кошкодеру и лишь вчетвером, орудуя двумя мечами, пикой и кистенем, кое-как смогли забить мутанта.

– Ё-о-ошкин кот! – выдохнул Костоправ, разглядывая котловое отродье из семейства кошачьих.

«Да уж, – подумал Виктор. – А как еще такое назвать. Ёшкин кот – он ёшкин кот и есть!»

Из окровавленной бесформенной кучи красной плоти и черной шерсти торчали перебитые лапы с когтями в палец длиной. Проломленный череп скалился пастью, зубы в которой были ничуть не меньше. К счастью, вторая «кошечка», напоровшаяся на стрелу с шипом иглоноса, как упала, так и валялась в дровах. Неподвижно, кверху брюхом, раскинув лапы в стороны. Судя по всему, это была самка. Из левого бока твари торчало оперение. Ядовитый червь, примотанный к древку стрелы, целиком скрылся в глубокой ране.

А если бы мутанты навалились вдвоем? Виктор не был уверен в том, что их караулу удалось бы тогда отбиться. Во всяком случае, без потерь точно не отбились бы.

– Что случилось?! Кто напал?! – из-за повозок по огороженному кольями проходу бежали патрульные. Вроде ребята недалеко были, а объявились только сейчас. Интересно, они случайно так припозднились или специально выждали, пока все закончится?

Костяника опустила забрало. Хотя был ли в этом смысл, если Кошкодер и так уже все знает?

– Назад! – махнул патрулю капитан. – Скажите Инквизиторам: котяры у лагеря. Пусть поднимают тревогу.

Котяры? Вот, значит, как это называется...

Патруль будто ветром сдуло. То ли ландскнехтов напугал тон Кошкодера, то ли они были в курсе, что такое котяры.

Впрочем, Виктора больше напрягало не объявившееся в ночи кошачье племя, а другая проблема. С которой, кстати, неплохо бы разобраться прямо сейчас, пока патрульные свалили. Виктор покосился на Кошкодера. А тот словно забыл о красных глазах Костяники.

Капитан пнул изрубленное тело мутанта с таким видом, будто имел к этим тварям личные счёты. А может, и правда имел. Может, ему котяра глаз выдрал.

– Котловые кошечки, – процедил Кошкодер. – Милые создания, правда? Живут и охотятся стаями, как волкопсы. Только их стая раз в десять больше.

Стайные кошки? Это что-то новенькое. Впрочем, в Котлах всегда полно такого, с чем приходится сталкиваться в первый раз.

– Нападают ночью. Долго выслеживают добычу. Думаю, за нами твари следят уже давно, – продолжал капитан.

Караульные угрюмо слушали. Даже Костоправ держал пока язык за зубами. Правда, в руке лекаря покачивался перепачканный котярской кровью кистень, выдавая чувства и скрытые желания своего хозяина.

– Перед общей атакой котяры обычно пускают вперед парных разведчиков. – Кошкодер словно ничего не замечал. – Подкрадываются так, что, пока сами на тебя не прыгнут, их не увидишь. В общем, можно сказать, нам здорово повезло. Только расслабляться не нужно. За разведчиками идет вся стая.

Виктор кашлянул. Нафиг котяр! Не они его сейчас волнуют.

– Что ты теперь будешь делать, Кошкодер? – спросил Виктор напрямую.

– Кошек драть, – хмыкнул капитан, вытирая о траву меч-кошкодер.

– Драть, мля, в каком смысле? – Костоправ бросил многозначительный взгляд на котяру, валявшегося кверху брюхом в дровяной куче. На котярку, вернее. Самку.

– Помолчи! – осадил лекаря Виктор. Не до пошлостей сейчас.

Кошкодер вложил клинок в ножны, проигнорировав замечание лекаря. Виктор подошел к капитану вплотную. Заговорил с ним снова.

– Я не о кошках спрашивал. О ней, – Виктор кивнул на Костянику. – Побежишь докладывать Инквизиторам, что у тебя в роте появилась мутантка?

– Если Инквизиторы узнают, что она мутантка, – ей не жить, – спокойно ответил капитан, даже не взглянув на Виктора. – Да и вам всем тоже.

– Что будет с нами, мы знаем. Я спрашиваю, что ТЫ намерен делать?

– Давай я лучше скажу тебе, чего я делать не намерен, – глаз Кошкодера наконец встретился взглядом с глазами Виктора. Смотрел капитан насмешливо, но говорил вполне серьезно. – Я не намерен избавляться от солдата, который может распознать опасность там, где ее не увидят другие. Мы отправляемся в такие места, до которых еще никто не добирался, и в этом походе глаза твоей подруги будут особенно ценны. Ты говоришь, Костяника может увидеть тварей в лесу и под водой? Что ж, замечательно. Значит, она – идеальный часовой и дозорный. Она – гарантия того, что рота не подвергнется внезапному нападению и не будет вырезана в одну ночь. Да и на море, как я полагаю, от нее тоже будет больше прока, чем от всех нас.

– То есть... ты... – осторожно, еще не до конца веря в свою удачу, начал Виктор.

– То есть я знать не знаю, какие у твоей подруги глаза, – закончил за него Кошкодер, улыбаясь. – Ну, не в курсе я. Не видел. Не рассмотрел. Пусть она по-прежнему их прячет, если ей мешает свет, но когда ее глаз никто не видит, пусть поднимает забрало и смотрит в оба. Если Инквизиторы узнают, кто она, и отправят Костянику на костер, я не стану за нее вступаться и буду утверждать, что вы обманули меня – так же, как обманывали всех вокруг. Но и сам Инквизиторам я ни о чем доносить не буду. Это не в моих интересах.

Слова Кошкодера звучали разумно и не доверять капитану причин было, пожалуй, меньше, чем доверять.

А в лагере тем временем ударили барабаны и взвыли трубы. За повозками поднялся переполох. Вспыхнули факелы, зазвенело оружие, заревели быкони и засуетились люди. Ландскнехты Святой Инквизиции готовились к схватке с котловыми кошками.

Глава 8

Вместо того чтобы отдыхать после вахты, Разящая Пуля – Меткая Стрела слонялся по палубе и размышлял. Он не замечал спящих вокруг воинов и не обращал внимания на посвист Погонщиков. Пуля-Стрела обдумывал слова Смотрящего-за-Волны.

То, что Тотемы, нуждающиеся в жизненном пространстве и жертвенной крови, давно задумали переплыть Атлантику, не было секретом. Но вот то, что с той стороны океана на эту тоже стараются перебраться чужеземцы, для Пули-Стрелы оказалось новостью. Похоже, Смотрящий прав: грядет большая война с Людьми Креста и черным Тотемом, который за ними стоит. И многое в этой войне будет зависеть от того, кто раньше переплывет океан и кто ударит по врагу первым. Тотемы и вожди Соединенных Племен приняли верное решение, отправившись в морской поход.

Старики рассказывают, что когда-то, еще до Золотых Времен, колонисты из Европы захватили Америку и заставили ее жить по своим правилам. Теперь пришло время дать истории обратный ход. Теперь индейская армия и американские поселенцы привезут в Европу свои Тотемы и возьмут эту землю себе. Все изменится. Старый Свет станет Новым. Ну а война... Что ж, война за Тотемы – дело хорошее. Большая война с сильным врагом – это много пленных и много жертв. Жертвенная кровь только укрепит Тотемы Соединенных Племен. А чем сильнее Тотем – тем сильнее его племя.

«Но если мы не доплывем до восточных берегов? – думал Пуля-Стрела. – Если столкнемся с Людьми Креста посреди океана? И если у них будет такой же сильный флот, как у нас? Кто тогда пойдет ко дну?»

Пуля-Стрела тряхнул головой, отгоняя недостойные мысли. С ними – Тотемы. С ними – объединенная мощь Маниту всех племенных Тотемов. Так разве могут быть какие-то сомнения в победе?

«А если с Людьми Креста тоже будет их Тотем?» – вновь промелькнула подлая мысль.

Пуля-Стрела раздавил ее сразу, как ядовитую змею, только-только вылупившуюся из яйца. Тут все просто. Тотем-Крест – один. А у Соединенных Племен Тотемов много. Значит, их Маниту сильнее вражеского в любом случае.

Пуля-Стрела остановился перед племенным Тотемом. Тотем Птичьего племени возвышался в самом центре Великого Каноз – между плоской взлетной палубой и пирамидообразной палубной надстройкой.

Больше всего племенные Тотемы напоминали высеченные из дерева священные столбы, которые раньше стояли посреди индейских стойбищ. Но шипы-кристаллы делали их похожими также и на кактусы из мексиканских пустынь. Все Тотемы отличались друг от друга, однако на каждом пыливый взгляд мог различить схематичное изображение какого-нибудь зверя, птицы, рыбы, демона, существа или растения... На их Тотеме угадывались контуры раскинувшей крылья Гром-птицы с плоским, почти человеческим лицом.

Тотем...

Пуля-Стрела благоговейно смотрел на него снизу вверх.

Неровный бугристый ствол-туловище в два человеческих роста, густо усеянный от основания до вершины поблескивающими молодыми кристаллами, расчерченный дорожками душистого смолистого сока и вцепившийся в палубу корнями-лапами. Неподвижный, но пульсирующий изнутри багровым светом.

Никто не знал, что за неугасимый огонь горит под толстой губчатой корой-шкурой. Никто не знал даже, что есть Тотем – животное или растение. По большому счету ничего толкового и внятного о Тотемах не могли сказать даже шаманы, приносящие им жертвы и передающие их

волю людям. А ведь каждый шаман специально вживляет себе в череп кристалл Тотема, чтобы быть ближе к нему и лучше чувствовать его Маниту.

Доподлинно известно было, что Тотемы появились после Крушения Золотых Времен. Они вышли из самых гиблых мест в Проклятых Землях. Именно вышли: Тотемы способны передвигаться, хотя и не очень быстро, при помощи корней-лап, поддерживающих их в вертикальном положении. Также Пуля-Стрела знал, что Тотем никогда не умирает, но порождает новых Тотемов из трех самых крупных Верхних Кристаллов. Когда приходит срок, они выпадают, как зубы из десен старика, а потом...

Новый Тотем произрастает из Кристалла-Семени при любых условиях и в любом месте, будь то плодородная почва, сухая пустыня, бескрайняя прерия, каменистый горный склон или дно водоема. Остальные кристаллы – Кристаллы-не-Семя – раз в несколько лет опадают как листья, чтобы сквозь кору-шкуру могли пробиться новые ростки – молодые, граненые, крепкие. Тотем не умирает, но обновляется, как все живое, и это обновление идет на благо племени.

Сброшенные Тотемом Кристаллы-не-Семя используют для изготовления оружия. Их можно вковать в металл, закрепить на рукояти томагавка, привязать к древку копья или стрелы и смело идти в бой.

Кристаллы Тотема несут в себе Заряд Смерти, который придает дополнительный импульс и усиливает удар, как ртуть, налитая в высверленный молоток или свинцовый шарик, спрятанный в обрезок шланга. Кристалл легко дробит камень и самую крепкую кость, он пробивает железо и пластик. Острый, как кремневый отщеп или скол обсидиана, кристалл Тотема обладает алмазной прочностью, поэтому кристалльное оружие ценится почти так же высоко, как и оружие Золотых Времен.

Но главное, конечно, не это. Главное – Маниту, незримый дух Тотема, которому невозможно противиться и который снисходит на любого, кто окажется поблизости, будь то животное, человек или демон из Проклятых Земель.

Люди и не люди, проникшиеся Маниту, шли на зов Тотема и сами приносили себя в жертву, раздирая тело о кристаллы-шипы. Тотем же, подобно губке, впитывал пролитую кровь. Кровь – его основная пища, и багровый огонь внутри Тотема после жертвоприношения горит сильнее. Однако Тотем умертвлял не всех. Часть Проникшихся он выбирал себе в Служение и рождался с ними, смешивая свой сок с их кровью. После этого уже Избранные Проникшиеся искали добычу и приносили жертвы Тотему, щедро окропляя чужой кровью его кристаллы и кожу-кору.

С людьми Тотемы обычно предпочитали родниться, становясь Священными Покровителями племен. Люди были хорошими охотниками, и они чаще, чем кто-либо, приносили жертвенную кровь. Священные Покровители не оставались в долгу: Маниту Тотемов оберегало племена и помогало им выживать.

Собственно, вот и все, что было известно о Тотемах.

* * *

– О чем ты хочешь здесь узнать? – сзади раздался скрипучий старческий голос.

Пуля-Стрела обернулся. Перед ним стоял Беседующий-с-Тотемом. Шаман племени словно в болотной трясине увяз в многослойном обрядовом облачении из пестрых обрезков ткани, синтетики, шкур, перьев и меха.

Все шаманское одеяние было обшито узелками, отполированными причудливыми костяшками, переплетенными шнурками, бусами-вампуками, металлическими побрякушками и пластиковыми амулетами. На груди висела ритуальная маска из старого, наклеенного на деревянную основу и ярко раскрашенного противогаса с выбитыми стеклами. Противогаз

был сделан не из резины, а из жесткого долговечного пластика, и потому неплохо сохранился. Впрочем, сейчас разрисованная маска напоминала скорее череп диковинного мутанта.

Из-за спины Беседующего-с-Тотемом поднималось и нависало над головой, будто опало, перо Гром-птицы, на фоне которого не сразу можно было рассмотреть морщинистое и ссохшееся, как печеный батат, лицо шамана.

Беседующий был дряхлым стариком. Никто не знал его точного возраста, но в племени поговаривали, будто шаману уже около сорока. Вероятно, только Маниту благоволившего ему Тотема позволил дожить Беседующему до столь преклонных лет.

Из-под редких седых волос словно маленький рог торчал вживленный в череп кристалл Тотема. Кристалл светился багровым светом, а в глубоких провалах глазниц блестели удивительно живые для такого старика глаза. Кристалл смотрел вверх. Глаза – на Пулю-Стрелу.

– Чего ты хочешь от Тотема, Разящая Пуля – Меткая Стрела? – снова спросил Беседующий.

Пуля-Стрела подумал, что шаман ни разу не называл его кратким именем. Впрочем, Беседующий-с-Тотемом никого не называл коротко.

– Я... я... ничего, – запинаясь, пробормотал Пуля-Стрела. Говорить с шаманом ему всегда было трудно. И немного страшно.

– Тогда зачем понапрасну беспокоишь Тотем?

– Я не беспокою, я только...

– Займись полезным делом, – перебил Беседующий. – Медвежий Коготь устал расспрашивать Человека-с-Крестами и просил найти кого-нибудь, чтобы присмотреть за ним. Думаю, ты подойдешь. Ступай к жертвенной каюте и постереги пленника, пока я готовлю обряд.

Жертвенная каюта? Обряд? Смотрящий-за-Волны прав. Чужак с востока станет жертвой.

– Кровь Человека-с-Крестами прольется на Тотем? – все же осмелился спросить Пуля-Стрела.

– Он больше ни на что не годен, – проворчал шаман. – Подчинить его нельзя. Человек-с-Крестами уже помечен другим Тотемом, и наш Тотем над ним не властен.

Беседующий вздохнул и продолжил.

– Страх, боль и посулы на пленника не действуют. А все, что можно было узнать от него с помощью слов и Маниту, мы узнали.

«Что узнали?» – Пуля-Стрела едва удержал вопрос на кончике языка. Если шаман сочтет нужным – он скажет сам, если нет – не нужно злить Беседующего излишним любопытством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.